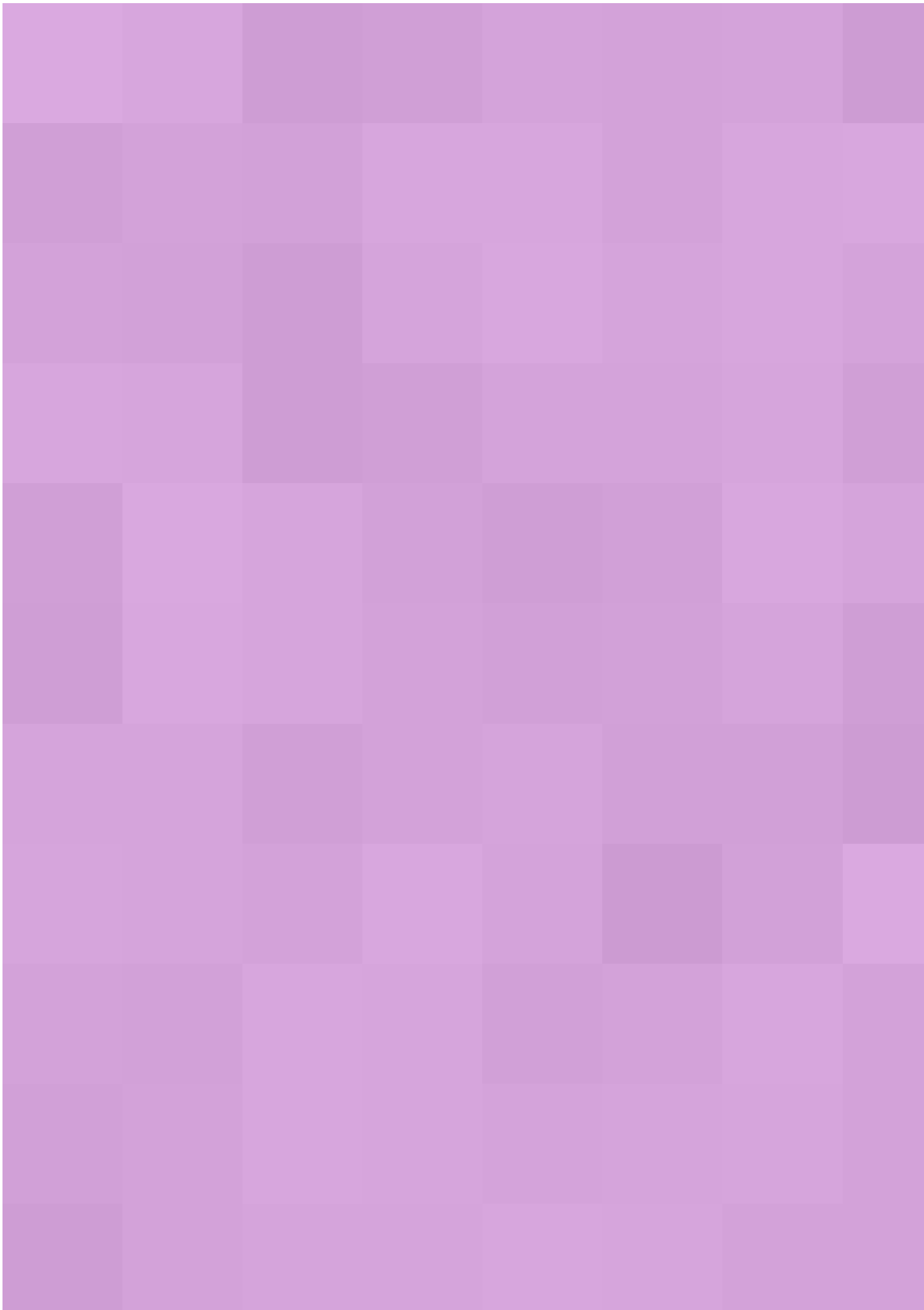

Казимир Валишевский

Иван Грозный

«Public Domain»
1904

Валишевский К. Ф.

Иван Грозный / К. Ф. Валишевский — «Public Domain», 1904

«Новая Россия во времена преобразований Петра Великого и Екатерины Великой уже была вооружена с ног до головы для всех завоеваний, моральных или материальных, приведенных в исполнение в то время или после. Известно, что в своем творении Петр Великий имел предшественников и явился продолжателем. Чьим? Непосредственные его предшественники – первые Романовы – правители государства, лишенного всякого сношения с Европой, закрытого для посторонних влияний и не имеющего возможности собственными силами достигнуть хотя бы первоначальной цивилизации. Восходя далее, к последним годам XVI века, мы встречаем «Смутное время», т. е. беспорядок и анархию, варварство и мрак. Между тем, рассматривая ближе, можно заметить, что внезапный свет цивилизации, озаривший Россию в 18 веке, не есть ее рассвет. Для восходящего солнца этот свет имеет слишком много блеска. Петр Великий не ошибся, и мрак, из которого явился его блестящий гений, был только лишь временным затмением…»

© Валишевский К. Ф., 1904
© Public Domain, 1904

Содержание

Предисловие 5
Часть первая 8
Глава первая 8
Глава вторая 32
Глава третья 50
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Казимир Валишевский
Иван Грозный

Предисловие

Новая Россия во времена преобразований Петра Великого и Екатерины Великой уже была вооружена с ног до головы для всех завоеваний, моральных или материальных, приведенных в исполнение в то время или после.

Известно, что в своем творении Петр Великий имел предшественников и явился продолжателем.

Чьим? Непосредственные его предшественники – первые Романовы – правители государства, лишенного всякого сношения с Европой, закрытого для посторонних влияний и не имеющего возможности собственными силами достигнуть хотя бы первоначальной цивилизации. Восходя далее, к последним годам XVI века, мы встречаем «Смутное время», т. е. беспорядок и анархию, варварство и мрак. Между тем, рассматривая ближе, можно заметить, что внезапный свет цивилизации, озаривший Россию в 18 веке, не есть ее рассвет. Для восходящего солнца этот свет имеет слишком много блеска. Петр Великий не ошибся, и мрак, из которого явился его блестящий гений, был только лишь временным затмением.

Внешнее и внутреннее развитие великой Империи совершалось в таком порядке, какой имеет система снежных лавин.

После долгого промежуточного времени внезапное перемещение центра тяжести обозначает стремление вперед, с некоторыми остановками более или менее продолжительного характера.

Подобное явление повторялось уже несколько раз и, по-видимому, должно появиться еще. Причина его и объяснение очень естественны: совершая великую задачу, предназначенную судьбой, народ неизбежно должен был встречать препятствия и увеличить свои усилия.

В это время и в следующее двадцатилетие прогресс народа задерживается во внутренних делах, а во внешних останавливается на пути, по которому следовал прежде. Это оттого, что деятельность его была направлена в другую сторону: к завоеваниям новых владений, долженствующих еще расширить его границы до китайских морей с одной стороны и до Персидского залива с другой. Оставленные им задачи тем не менее зреют медленно, но верно, и берегитесь лавин!

Предшественник, последователем которого считал себя Петр Великий, был современником последнего Валуа, и вот к этому-то времени надо обращаться, чтобы раскрыть политические и интеллектуальные начала реформатора. Трудная задача, но лишь таким путем можно придти к пониманию окончательных результатов. Вот почему я предоставляю читателям этот том. Без сомнения, меня упрекнуть, почему я не с этого начал, но в истории, как и в анатомии, нельзя начинать сначала, с зародыша и клетки, так что в действительности я только следую научному методу.

Итак, с XVI до XVIII века Россия жила почти вне всякого общения с Европой и ее цивилизацией. Но прежде она уже делала усилия, чтобы выйти из этого замкнутого состояния, и то дело, которое вызвало сочувствие Вольтера, зародилось таким образом в то время, когда во Франции царствовали Карл IX и Генрих III. С этого времени огромная и варварская Московия начала входить в соприкосновение со своими западными соседями. Но дорога была заграждена Польшей и Швецией; понадобилось более века, чтобы устранить эти препятствия.

И если бы не было Батория, стрелка часов истории сделала бы свой оборот на сто лет ранее. Снаружи приобретение берегов Балтийского моря, уничтожение остатков власти татар, завоевание Сибири и открытие политических и коммерческих сношений со всеми государствами Европы; внутри – введение начал европейской культуры и реорганизация государства на тех началах, которые мы видим теперь, все, что Петр и Екатерина совершили, было задумано, начато и отчасти приведено в исполнение в это первое утро цивилизации, за которым слишком скоро нависли вечерние сумерки.

Кто же это совершил? – Человек, про которого Кюстин пишет, что он перешел все границы зла, дозволенные, так сказать, в той сфере Богом его созданию, преступник, лицо которого кошмар и имя Ужас; соперник Нерона и Калигулы – Грозный! Это самый любопытный пример аберрации в области не только легенды, но и исторической критики.

И прежде всего это имя – Грозный (ужасный), которое я вынужден написать на обложке моего тома, Ivan le Terrible, чтобы обозначить, о ком речь, – не точное имя. Русские нынешнего времени не подозревают об этой неточности, допущенной при переводах на иностранные языки. Немцы не могут решить, как лучше перевести слово «Грозный», – словом der Schreckliche или der Grausame. Обе версии не точны, но вторая – хуже. Никогда москвичи не называли так Ивана IV в его время. Для них он был «*Грозный».* Однако обратите внимание на следующее: во время полемики Грозного с Баторием последний упрекнул своего соперника в том, что он окружает себя рындами, вооруженными секирой, во время приема послов. Грозный ему ответил: «Это чин государский, да и *гроза»,* т. е. этого требует мой ранг и уважение, которое я должен внушать. Никогда «гроза» не имела другого смысла.

Обратитесь к «Домострою» – знаменитому домашнему уставу москвичей того времени, в главе, где говорится об обязанностях отца семьи, от него требуется быть «Грозным», т. е. внушающим уважение и уважаемым. Но что значат тогда убийства, эшафоты, уничтожение человеческих жизней, о чем говорят современники? Знаете ли вы в XVI веке какое-либо государство Европы, одна глава истории которого представляла бы идиллию? В Польше, быть может, где шляхта, с последними ягеллонами, начинала гибельные опыты в духе noli me tangere?

Баторий привел в Польше все на некоторое время в порядок. Но в эти времена Московия и Польша были антиподами, и если одна имела успех, а другая нет, – это только потому, что не разбирали средств. Обратите ваши взоры на гигантскую равнину, где работал этот народ, между Уралом и Карпатами, между Черным и Белым морями, и вы увидите, что не лаской, нежностью и благостью можно было смешать, перетереть и слить в нераздельное целое 20 различных рас, составляющих теперь Россию.

Возможно, что при этой работе Иван IV был более жесток, чем нравы его века. Мы об этом еще поговорим позже. Но в легендах и исторической критике эпитет «Грозный» стал синонимом жестокости без смысла и без оправдания, чисто варварского происхождения, доведенного до крайностей в своих проявлениях, и для того, кто знаком с могуществом слов, последствия не оставляют сомнения; слово наложило ложное понятие на вещи.

Конечно, представление об этом лице и его сподвижниках не может быть отделено от некоторых ужасных сцен, и вам надо приготовить ваши нервы к тяжелым испытаниям; но сквозь эти зловещие видения вы, тем не менее, заметите то, что я назвал восходом солнца.

В последнем из царствовавших Рюриковичей (не считая Федора, бывшего только тенью) один из вождей школы славянофилов, Кавелин, уже отметил центральную фигуру истории своей страны. С того времени попытки реабилитации этой фигуры множились и доходили до крайностей.

Постараюсь разобраться в этих противоположных позициях и занять сторону истины. Я не считаю возможным предпринять это изучение, не обозрев сначала географических, политических и социальных условий, а также интеллектуального состояния и нравов

страны, куда историк не может проникнуть иначе, как в роли исследователя. Первые четыре главы этого тома будут посвящены такому обозрению. За растянутость и подробности прошу меня извинить: иначе я рисковал быть не понятым, и говорил бы загадками. Этот ключ необходим для большинства моих читателей.

Я мало пользовался неизданными документами. Те документы, которые оказались мне полезными, в большинстве случаев уже опубликованы, частью же совершенно недоступны. Что касается литературы по этому вопросу, то она очень обширна. И я не буду указывать на нее, чтобы излишне не увеличивать произведение. Я должен прибавить, что литературный источник представляет еще сырой необработанный материал. Историку нужно еще поработать, чтобы создать стройное целое.

Пусть мой друг И. Щукин, богатая библиотека и бесконечная любезность которого дали мне возможность выполнить мою задачу, примет выражение моей глубокой благодарности.

Часть первая
Россия XVI века

Глава первая
Страна и население

Древняя и новая Россия. Территория. Общественные классы. Аристократия. Политический и общественный строй. Происхождение абсолютизма. Крестьяне. Несвободное население. Городское население. Церковь.

I. Древняя и новая Россия

«Налетел на меня многокрылый орел с когтями льва и унес у меня три кедра ливанских: мою красоту, богатство, моих детей. Земля наша опустошена, город наш разрушен, рынки уничтожены. Наши братья увезены туда, где не бывали никогда ни наши отцы, ни деды, ни прародители»…

Так устами одного из своих летописцев свободный, с республиканским устройством город Псков, присоединенный в 1510 году к новой московской державе, оплакивал потерю своей независимости, уничтоженные привилегии и своих сыновей, приговоренных к изгнанию. Отец Ивана Грозного, Василий Иванович, побывав в Пскове, на обратном пути оттуда увез мощный колокол, в течение веков сзывавший жителей на вече; сотни семейств местных жителей переселил во внутренние области своих владений, а на их место переселил москвитян и провозгласил присоединение республики к своему государству.

Это было повторение исторического события, имевшего незадолго до того в Западной Европе. Точно так же Карл Смелый ниспроверг в Льеже знаменитый perron, древнюю бронзовую колонну, у подножия которой в течение минувших веков народ собирался для принятия законов и исполнения разных других актов государственной жизни.

А по соседству с Карлом Смелым боролся Людовик XI с Бургундией, Бретанью, Гиенью, находившимися в вассальной зависимости от него, стараясь присоединить и удержать за собой эти жемчужины французской короны.

Это был решительный момент, когда слагались крупные государственные образования. Этот исторически процесс сопровождался болезненным кризисом. Но здесь, в этом отдаленном северо-востоке, задача «собирателей русской земли», как их называют, была особенно трудна. Дело заключалось не в простом слиянии областей, соединенных уже и без того близким сходством, общностью традиций, очевидным единством интересов. Представьте себе, что Франция завоевана в XV веке англичанами и какой-нибудь князь бургундский пытается создать монархию, и даже не в Дижоне, а где-нибудь в Германии, Швейцарии или Италии, и это новое государство должно собрать обломки разорванного, разрозненного французского отечества. Таково приблизительно было положение, из которого, благодаря трудам и непрерывным усилиям «собирателей», в начале шестнадцатого века вышел новый мир: Русь Иванов и Василиев.

Какова же была эта Русь? Конечно, это была не та Русь, по которой вы несетесь теперь в спальном вагоне из Киева в Петербург или из Варшавы в Иркутск.

Киевской Руси в это время уже не было. Петербургская же еще не сложилась. Из того, что в десятом и одиннадцатом веке составляло владения Ярославов и Владимиров, госу-

дарь Московский XVI века не сохранил за собой и пяди земли. Хотя московские государи и называют себя великим князем или царем «всея Руси», но право на этот титул у них было таким же, как и право их современников английских королей, по которому они себе присваивали герб и корону Франции к своей отчизне. Киевская Русь в то время составляла часть польских владений, Могилевская область – литовских, Червоная, Белая и Малая Русь целиком принадлежали соседям. Москва была не что иное, как колония, основанная русскими в чужой, финской земле.

С XI по XIII в. Киевское княжество терзала братоубийственная борьба, происходившая между потомками Владимира Мономаха. В XIII столетии оно подверглось нашествию татар. В следующем XIV столетии после польско-литовских завоеваний от Киевского княжества не осталось ничего. В это бурное время один из наследников Мономаха, Юрий Долгорукий, стал во главе русских колонистов, искавших новых мест.

Он направился на северо-восток через лесные пространства, отделявшие бассейны Днепра и Волги, и на своем пути покорял встречавшиеся финские племена. В этой покоренной стране в 1147 году и была основана Москва. На первых порах этот новый город был лишь походным лагерем переселенцев.

Татарское нашествие застало Москву еще совершенно неустроенной. Она должна была подчиниться чужим законам и правам. Более двух веков после поражения русских на Калке (в 1224 г.) страну давила тяжесть опустошительной азиатской стихии.

Лишь в конце XIV века, когда обнаружилось постепенное разложение монгольского царства, московские князья почувствовали достаточно сил для того, чтобы свергнуть с себя тяжелое иго. В то же время они начали стремиться присоединить к своим владениям другие соседние колонии и ближайшие, отпавшие от них части древней Руси. Так создали они себе новую державу, а для Руси – новый центр. С 1478 года находился под их властью Новгород, а в скором времени также Тверь, Ростов, Ярославль. Иван III, справедливо прозванный Великим, присоединил новые области, лежащие за пределами древней Руси, и раздвинул границы своего государства на север до Финляндии, Белого моря и Ледовитого океана, на восток до Урала. Его сын Василий прибавил к этому на юге Рязань и Новгород Северский.

Составляло ли все это *одно государство* в историческом смысле этого слова? На этот вопрос приходится ответить отрицательно – единства между составными частями слагавшегося государства еще не было.

II. Территория

При своем вступлении на престол в 1533 году Иван IV наследует уже значительные владения, но даже в географическом отношении они были лишены единства. Повсюду замечается боевое настроение населения и выступают беспорядки насильственного присоединения земель.

Все эти присоединения представляются в виде какой-то беспорядочной кучи военной добычи. Вокруг нового центра, Москвы, группируются области, постепенно расширяющиеся. Большая часть из них не имеет установленных границ и даже приблизительных очертаний, так что при указании их приходится пользоваться только топографическими данными.

На северо-востоке находились земли нынешней Архангельской губернии, Вологодской и Олонецкой; на северо-западе – Новгородской и Псковской; на западе и юго-западе московскому государству принадлежала область Днепра с современной Смоленской губернией и западная часть теперешней Калужской губернии, часть Черниговской губернии и западные уезды Орловской и Курской губернии. На юге были степи совершенно без установленных южных границ и с северной границей, проходившей по 55(северного параллельного круга, т. е. совпадающей с северной границей теперешних губерний Калужской, Тульской,

Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Наконец на востоке владения московского государства составлял бассейн Камы с ее притоками – Вяткой, Чусовой и Белой.

Нужно отметить довольно характерную особенность: Новгород и Псков со своими областями составляют важную часть.

Здесь сосредоточивается промышленность и торговля страны. Экономически новое государство живет этими областями и даже зависит от них. Но промышленность была убога, более оживленно шла торговля, но и она ограничивалась скромными размерами. Живя рыбной ловлей, население этой болотистой, с обширными пустырями, страны мало занималось земледелием.

При таких условиях торговля привлекала значительную часть населения и служила для него главным источником существования.

Товары направлялись от берегов Балтийского моря внутрь страны; по тем же путям в обратном направлении шли местные продукты. На пространстве 282 127 квадратных верст во всей стране насчитывалось только 14 городов. Причем большая часть из них представляли собой небольшие укрепленные пункты-острожки. На обширной же территории в 171 119 квадратных верст Бежецкой и Олонецкой пятины вовсе отсутствовала городская оседлость. Встречались лишь поселки с рынками, где производились торговые операции.

Новгород со своими 5300 жилых домов до второй половины XVI века занимает первенствующее положение среди русских городов, за исключением Москвы. В одном Пскове, и только в пределах городских стен, не считая пригородов, по данным того времени насчитывалось 1300 лавок и контор. Но те же документы отмечают одно явление, резко выступающее в русской жизни XVI века: городской торговый класс населения быстро уничтожается, его вытесняют и заменяют военные элементы. В Гдове, где торгово-промышленный элемент более сохранился, чем в других городах, списки 1580–1585 г. отмечают только 14 душ представителей этой категории населения.

Исчезновение торгово-промышленного класса было следствием насильственного присоединения областей московскими князьями. Имущество населения покоренных областей массово конфисковалось, конфискованные предприятия часто передавались в другие руки. Это быстро изменило лицо страны до состава общественных элементов и отношений между ними включительно. Новые пришельцы были военными людьми, и в своем завоевательном движении и во внешнем росте Москва сохранила свой первоначальный характер – характер военной колонии в покоренной стране.

Иначе не могло и быть. Новое государство, как и все области его, представляет как бы сплошное поле битвы. Границы его с одной стороны недостаточно установлены, с другой – являются предметом постоянных споров. Из крепостей, защищающих его с северо-запада, Смоленск приобретен лишь в 1514 году, но все еще оставался номинальным центром литовско-польского воеводства. Что касается Великих Лук, то их скоро отнимет у Ивана Стефан Баторий. На северо-востоке колонизация продолжает распространяться вдоль берегов Белого моря, по реке Онеге и от северной Двины до Урала. Но и здесь, в так называемом *Поморье,* владения пришельцев ограничиваются морскими и речными берегами. С экономической точки зрения главная роль здесь принадлежит монастырям, являющимися не столько рассадниками благочестия, как центрами военной оккупации. Например, Соловецкий монастырь на Белом море имел соляные варницы и богатые рыбные ловли, содержал свою полицию и даже небольшое войско. Далее на восток от Двины заселение только начиналось. Население рассеяно по бедным рыбачьим поселкам. Единственным центром с полугодовой ярмаркой здесь была Лампожня на Мезени. А по ту сторону Мезени тянулись уже совершенно пустынные места.

Следует отметить любопытную подробность.

Укрепленные пункты опоясывали государство, Москва же сохраняла свой прежний характер временной военной стоянки и не была достаточно прикрыта. Хотя *Кремль* был обнесен зубчатой стеной с башнями, но в нем находились только княжеские дворцы, жилища некоторых бояр, несколько церквей и монастырей, жизнь же столицы шла вне этих стен. Город с его деревянными домами, лавками, рынками, каменным *гостиным двором,* выстроенным по образцу Левантского базара, раскинулся далеко во все стороны от Кремля. Торговая деятельность шла в обширных пригородах, совершенно открытых или защищенных простым деревянным забором. Дома и лавки посадов, широко разбросанных вокруг и сливавшихся с окружающими полями, чередовались со вспаханными нивами и зелеными лугами.

Торговая жизнь продолжалась также и в обширных слободах, настоящих уже селах, окруженных полями, садами, рощами. По соседству виднелись белые стены оград и золоченые купола монастырских церквей. Этот пестрый полугородской, полудеревенский вид уходил далеко и терялся с глаз у черты горизонта. Эта была настоящая столица государства, которое только выступало на путь исторического развития.

Способ обозначения провинций нового государства, находившегося еще в состоянии образования, соответствовал их переходному характеру.

Тогда говорили: *«заокские, закамские города»,* подразумевая под названием *город* всю территорию, прилегавшую к известному центральному пункту. Даже центральную область, ядро слагавшегося государства, называли *«замосковными городами».* Например, Нижний Новгород, недавно приобретенный московскими князьями от младшей линии Мономаховичей, то имел значение центрального пункта, то относился вместе с Арзамасом и Муромом к окраине.

Между тем для зарождавшейся на северо-востоке новой Руси он был как бы вторым Киевом. Здесь те же удобства и красота положения. Когда англичанин Дженкинс в 1558 году отправлялся отсюда с целой флотилией галер на Дальний Восток, казалось, старое время воскресло и киевские князья собираются пуститься по Днепру и совершить свой «путь в Греки». Но все окрестные области до соседнего бассейна Клязьмы были опустошены московским завоеванием.

Страну усеяли развалины. Только Владимир сохранил кое-какие остатки былого величия. Сельское население все же было привязано к земле и не покидало ее, но в городах никого не оставалось, кроме военных отрядов. Это общее явление в новом московском государстве. То же самое замечалось даже в собственно московских областях и обнаруживалось уже в каких-нибудь 100–150 верстах от Москвы. На указанном расстоянии к северу тянется широкий пояс, где военные занятия постоянно совмещаются с мирными. Города Тверь, Ржев, Зубцов, Старица являются здесь стратегическими пунктами. К югу на верховьях р. Москвы и на Оке расположены города Серпухов, Кашира, Коломна, защищавшие переход через эти две реки от угрожавших постоянно набегов степняков.

Далее же за этой чертой тянулось другое пустынное, незаселенное пространство, так называемое *дикое поле,* куда колонизационное движение направилось только лишь во второй половине XVI века.

Таково было владение, к которому в царствование Ивана IV были присоединены вместе с Казанью, Астраханью и их областями земли по нижнему, среднему течению Волги, по Каме, Вятке и по прибрежью Каспийского моря.

К этим приобретениям после была добавлена загадочная область Казатчины, расположенная между Волгой, Доном, северной частью Донца, низовьями Днепра, представлявшая собой как бы обширный резервуар, куда стекались постоянно из Польши и Московского государства элементы, не поладившие с законом и порядками своего отечества.

Как в том, так и в другом государстве одни и те же политические и социальные законы выбрасывали наружу элементы общественного распада, для которых слишком тесны были нормальный рамки существования благодаря трем вечным силам, как создающим, так и разрушающим общественный порядок. Это – дух мятежа, дух предприимчивости, дух свободы.

Что касается общей численности населения московского государства того времени, мы не имеем никаких данных, чтобы определить ее хотя приблизительно. Даже сведения, касающиеся одной только столицы, настолько расходятся, что нет возможности сделать точный вывод из них.

В 1520 году число домов в ней исчислялось 41 500, что дает возможность предположить, что население равнялось по меньшей мере 100 000 душ. Шестьдесят лет спустя после этого посланный папой в Москву легат Посевин считает более вероятным числом населения 30 000. Правда, в этот промежуток времени Москва подверглась нашествию татар, разрушивших ее до основания. Но такой участи подверглось большинство городов этого государства, где военные схватки все еще продолжали вспыхивать от времени до времени, неся с собой разрушение и изменяя лицо края.

С этнографической точки зрения девять десятых страны имели только то русское население, которое оставила здесь прокатившаяся волна недавнего колонизационного движения. Не было необходимости в то время «скресь» русского, чтобы найти татарина и особенно финна. Основой населения везде являлось финское племя.

Завоевания Грозного и его преемников произвели большие изменения в составе государства. Следы этих изменений мы можем видеть до сих пор на карте Кеппена. Но документальных данных, по которым можно было бы определить роль различных этнографических элементов в государственной жизни изучаемой нами эпохи, мы не имеем. Эта роль обозначается немного яснее лишь в интеллектуальной и моральной жизни страны, о чем речь будет впереди; в политическом же отношении она совершенно ничтожна. Московское господство сгладило всякие следы племенных трений путем удаления и поглощения чуждых элементов.

В социальном отношении разнообразие этнографического состава не проявляется по другим причинам. О московском государстве XVI века нельзя было сказать, что в нем два общества, или больше, живут в союзе или во вражде, так как тогда вовсе еще не существовало обособленных общественных групп.

III. Общественные классы. Аристократия

Среди особенностей, резко отличавших русское государство от Западной Европы, известная школа исторического и политического направления мысли отвечает и подчеркивает отсутствие классовых делений. Другие черты различия заключались в отсутствии в русском государстве феодализма с позднейшим его порождением – рыцарством и его пережитками. Церковь здесь не имеет той светской власти, какой она вооружена на Западе и пользуется ею для борьбы с государством.

Но все эти черты сводятся к одному, указанному уже началу – отсутствии классовых делений в русском обществе.

Подобное явление действительно существует, но оно слишком сложно и в своем проявлении и в причинах, обусловливающих его. Очевидно, что в этой стране, как и во всех других, были сначала богатые и бедные, потом земледельцы и торговцы, городские и сельские жители, – все это различные социальные элементы. Правда, элементы эти не успели еще сложиться в организованные группы. Я постараюсь это пояснить.

Жизнь Ивана IV прошла в борьбе с боярами, представлявшими собой аристократию. Кроме бояр, были и другие аристократические группы. Рядом с боярами стояли потомки древних удельных князей. Одни из них происходили от Рюрика, первого русского князя, дру-

гие – от первого князя литовского Гедимина. Занимая первенствующее положение в областном управлении, они добивались господствующего положения.

Некоторые из них происходили от старшей ветви той династии, из которой происходили и московские князья, но по младшей линии. Держась кое-где на остатках своих вотчин, они могли громко заявлять свои претензии и не упускали случая сделать это. Они пользовались некоторыми правами и привилегиями, вытекавшими из их прошлого положения независимых государей. Свои права и привилегии они ожесточенно защищали.

Однако прочтите Судебник 1497 года, изданный дедом Грозного Иваном III. В нем нет ни малейшего следа всех этих прав и привилегий. Все население, за исключением духовенства, разделяется на две категории, где нет ни малейших признаков социального деления и различия, созданного историческими условиями. Судебник знает только *«служилых» и «неслужилых людей»*, – вот и все! Законодатель таким образом свел на нет историческое прошлое, деспотически распоряжаясь покорной массой населения, он и разделил его на эти две категории, соответствовавшие потребностям государственного строя.

В войске не было ни князей, ни мужиков, ни торговцев, ни земледельцев: были солдаты, дядьки, офицеры. Военнопленных обозначают только номерами по порядку. Население московского государства было как бы в военном плену. *Служилые*– солдаты, помогающие государю «собирать русскую землю». *Неслужилые* – работники, несущие тяжелую повинность доставлять пропитание армии во время похода. Место, звание, занятие каждого были точно определены служебным листом.

Все в ряд: таков приказ.

Никаких исключений для аристократии.

В первой категории служилых находятся бояре, князья, старшие придворные чины и важнейшие должностные лица. Если они и различались между собой, то только по началу административной подчиненности.

И рядом с ними стоят низшие слуги военного и гражданского ведомства: кузнецы, пушкари, столяры и простые воины. Купцы и земледельцы относятся к другой категории и также безразлично смешиваются и подчиняются одному порядку, возлагающему на них податное бремя. Служилые первого ранга пользуются некоторыми преимуществами: они занимают важнейшие должности, владеют землей; на суде их свидетельству придается больше значения. В случае обиды виновный уплачивает тройную пеню в сравнении с той, какая полагалась, например, за обиду дьяка. Но тот же самый принцип расценки штрафов за преступления против чести распространяется и на все ранги, приспособляясь к степеням и служебному положению.

Остается выяснить, как удалось провести в жизнь эту искусственную группировку и деспотическую классификацию общественных элементов. Очевидно, общественные группы были слабо организованы, так как правительство без затруднения разрывало естественную связь между ними и втискивало их в произвольно созданные рамки. Отсутствие сплоченности у московской аристократии при этом выступает очень ясно. В московском государстве, как и на Западе, ядро аристократии составляли придворные элементы. Филологи до сих пор не пришли к соглашению относительно происхождения слова «боярин». Одни производят его от *бой,* другие – от *бол, болий, больший.* Сначала слово *боярин* обозначало название *дружинников,* которых можно сопоставить с франкскими *антрустионами,* англо-саксонскими *тенами* или *министериалами* феодальной Германии. Но на Западе взаимоотношения между государем и его вассалами приобрели устойчивый характер, благодаря феодальному строю землевладения, различию общественно-политических функций; там все это закреплялось и освящалось законом, привычкой, обычаем.

Но в московском государстве те же взаимоотношения имели расплывчатый, неопределенный характер, в зависимости от общей неустойчивости среды.

Сам князь долгое время здесь был в некотором роде кочевником. Дружина же его могла или следовать за ним, или оставить его. Князь мог отослать от себя своих сподвижников и они могли его оставить. Никаких обязательств на этот счет не было. Например, в 1149 году волынский князь отправился походом против киевского князя. Дружина ему изменила, оставила его и он потерпел поражение. Принуждения на верную службу тогда не существовало. Когда русская земля раздробилась на множество княжеств, бояре свободно переходили от одного князя к другому, одни из-за личных интересов, другие – просто по капризу. При этом они не теряли никаких прав, так как подобные переходы не считались изменой. Переходившие сохраняли за собой земельные владения и часто отдавали их под покровительство нового князя.

Когда Москва выступила на историческую сцену, она не замедлила воспользоваться этим обычаем. Она видела в нем превосходное орудие для своей политики объединения, средство вызвать ослабление соседних княжеств и усилиться за их счет. Ставши центром национального притяжения, не имея равных себе соперников среди соседних княжеств, она ничем не рисковала при такой политике: все стекались к ней и никто не думал уходить отсюда куда-нибудь в другое княжество. Мало-помалу солнце Москвы притянуло к себе и поглотило осколки мелких светил, которые его окружали.

Так из того, что было выброшено другими, в руках Московских князей образовался слишком мягкий, податливый материал, из которого можно было лепить *что угодно*.

Окружавшие теперь московского князя бояре не были больше его сотоварищами, разделявшими с ним вместе опасности и победы, они были побежденными, как бы пленниками, оторванными от родной почвы.

Вся аристократия новой северо-восточной Руси, не исключая и той части ее, которая по-прежнему сидела на родовых поместьях, не имела в себе достаточной прочности. Для образования наследственной давности прошло слишком мало времени, чтобы на нее могла опираться аристократия. В феодальных государствах в создавшихся отношениях между сувереном и сеньором, сеньором и сельским населением была полная аналогия и можно сказать, что вассалитет и серваж взаимно друг друга дополняли. Московская же аристократия была в других условиях. Она терялась среди свободного населения, которое в лучшем случае соглашалось работать на крупных землевладельцев задельно, да и то вечно торговалось, вступало в споры.

Как бы то ни было, Москва распоряжалась по-своему этим зыбким материалом и даже придала ему известную устойчивость в военной организации.

IV. Политический и общественный строй. Происхождение абсолютизма

Относительно происхождения и характера московской государственной власти существует несколько различных взглядов. Историческая школа, о которой я уже упоминал выше, считает ее органическим явлением, обусловливаемым характером этой ветви славянской семьи, которую судьба перенесла с родной почвы на далекую чужбину. По взгляду этой школы, только этот строй, в котором проявлялся дух русской народности, соответствовал особенностям нации в области государственного устройства и обеспечивал жизненность созданных ею политических учреждений. Другие славянские государства, организованные на иных началах, иногда были в блестящем состоянии, но оно было кратковременным, благодаря слабости центральной власти, которая не могла препятствовать быстрому росту и усилению аристократии.

Но откуда же явилось у славянской колонии северо-востока расположение к этому именно политическому строю и способность подчиняться ему?

Забелин объясняет развитие самодержавия в московском государстве влиянием Восточной церкви; в учении ее принцип неограниченной патриархальной власти получает полное развитие и освящение. Некоторые же другие историки указываюсь на влияние финского элемента. Но приведенные взгляды историков нельзя считать более или менее удачно разрешающими вопрос. Все они не выдерживают критики.

Влияние церкви было таким сильным и даже более энергичным в киевский период древней Руси, и между тем не видим здесь того сильного единоличного самодержавия, какое развивается в московском государстве к концу XV века. В византийских хронографах, в исторических данных Прокопия, императора Льва, Дитмара Мерзебургского мы встречаем указание, что у славян существовали народные собрания и обладали или полнотой власти, или хотя некоторыми ее прерогативами. Русские славяне не представляли собой исключения.

По свидетельству Нестора, они даже совсем обходились без княжеской власти.

Позднее, в одиннадцатом веке, мы находим те же самые демократические учреждения в Киеве, Новгороде, Смоленске и Полоцке. Вече (*вече* производное слово от глагола *вещати)* функционируют на всем пространстве русской земли, хотя компетенция их и не везде одинакова. В одних местах им принадлежит вся верховная власть; в других они пользуются только правом избрания князя. Более или менее широкое участие их в политических функциях власти существовало везде. Сохранение их прав обеспечивалось договорами – *рядами* с князьями и грамотами последних.

Самодержавие в своей первоначальной форме не было синонимом абсолютной власти. Московский *самодержец* – это двойник византийского autocrat'a, но власть византийского самодержавного императора разделялась между ним и духовенством. Московское духовенство также долго считало *само*державие символом независимости от иностранных государств. Если не народные, то по крайней мере права церкви здесь оставались еще нетронутыми. Тем не менее название *самодержавный* могло повести к опасному смешению понятий, что и случилось сначала на северо-востоке страны, где князья Суздальские и Рязанские силой установили династическое наследование престола на основании первородства. Таким образом был нанесен удар народоправству (суверенитету народа), и нужно сказать, что еще до появления татар на Руси принцип народовластия сильно пострадал. Оно сохранилось только кое-где в виде исключения. В полной неприкосновенности оно осталось только в Новгороде и Пскове почти до конца XV века; в других же местах оно было или совсем уничтожено, или подверглось существенным ограничениям еще в начале XIII века.

Монгольское владычество оказало на усиление московского самодержавия не больше влияния, чем Византия. Правда, в отношениях между правителем и подданными оно внесло существенные изменения. Раньше положение князя зависело от народа, теперь оно обусловливалось капризом нового владыки-хана. Теперь путешествие на берега нижней Волги с богатыми подарками имело больше значения, чем народное избрание. Князь возвращался из путешествия с ярлыком, избавлявшим его от необходимости искать другой способ достижения власти. Флорентийская уния и падение Константинополя оказали влияние в том же направлении. До конца XIV века церковь знала только одного царя. Это был император византийский. Московское духовенство поминало его в молитвах при богослужении *«императором русским»* и *«государем всего мира»*. После указанных событий нужно было перенести этот титул на кого-нибудь, и естественно, московские князья получили его.

Все эти случайности играли, можно сказать, второстепенную роль и не имели решительного влияния на ход вещей. Что же касается влияния на организацию русской государственной власти финского элемента, то отсутствие его очевидно. Правда, бывают случаи, когда покоренные передают победителям свои порядки и нравы, но это возможно только лишь в том случае, когда побежденные стоят в культурном отношении выше своих побе-

дителей. Подобное предположение вполне допустимо. Но нужно принять во внимание, что русские колонисты тринадцатого и четырнадцатого века, хотя и были варварами, все-таки стояли выше в культурном отношении тех финских племен, с которыми им приходилось сталкиваться во вновь заселяемой стране. Не одной же ведь только численностью покоряли они их.

Ключ к разрешению загадки, на мой взгляд, заключается во взаимодействии двух отмеченных уже явлений: отсутствии расчленения в русском обществе и его военном переустройстве, какому оно подверглось, благодаря обстоятельствам, сопровождавшим его первоначальное образование и развитие в новом северо-восточном государстве. Русская колонизация долго продолжалась в чужой стране; переселенцы были окружены врагами. Князь был начальником войска и естественно пользовался своим выгодным положением, чтобы уменьшить и без того незначительную связь между общественными элементами. Последние своей слабостью сами помогали усилению его всемогущества.

Но подобные явления наблюдались и при образовании других государств. Особенностью процесса развития русского государства было то, что оно одновременно переходило и к формам высшей цивилизации. Это исключительная черта в развитии русского общества. Долго находилось оно вдали от европейской жизни. Затем ему пришлось быстро усваивать плоды культурных завоеваний, даже такие, которые находились в полном противоречии с его родным отсталым политическим и социальным строем. Все это совершалось внезапно, даже вопреки требованиям нормального прогресса. Просветительное движение, питавшееся чужими плодами, в некотором роде способствовало само по себе развитие абсолютизма, давая единоличной власти такие средства, каких не сыскать в варварском обществе. Иван IV был человек просвещенный и поэтому он был опаснее Людовика XI. Иван будет воздействовать на души своих подданных, чтобы засадить их за железную решетку своей тюрьмы, где связанная Россия должна будет мучиться в продолжение целого века.

Легко проследить, как создалась эта темница. Москва старалась привлечь к себе как можно больше людей из соседних княжеств; когда же в ней оказалось значительное число послушных и исполнительных слуг из таких пришельцев, государи московские поспешили прекратить свободные переходы, которыми они прежде пользовались в своих интересах. С другой стороны, соседи их теперь им только помогли достигнуть намеченной цели. В своих интересах они уже успели сделать кое-какие ограничения в этом роде. Решительный шаг в этом направлении сделало мнимо либеральное, республиканское правительство. За республиками вообще немало числится подобных ошибок; я не касаюсь современности. В 1368 году Новгород запретил гражданам уходить с его территории под страхом лишения прав собственности на всякое имущество, какое может там остаться. Москве ничего не оставалось сделать, как только последовать этому примеру. Самый принцип пока еще щадили. Но при Иване III начали сажать в тюрьму тех из его «слуг», кто казался недостаточно надежным. Чтобы вернуть себе свободу, подвергающейся подозрению мог и не отказываться от своего права, правительство делало вид, что само его охраняет, и он только давал обязательство, что впредь не воспользуется им; иногда же от него требовалось поручительство.

Я останавливаюсь на этих деталях, потому что иначе дальнейший ход истории нации может показаться совершенно непонятным. Иван IV широко пользовался разного рода прецедентами. Он даже установил для служилых людей нечто вроде круговой поруки в верности ему.

Князья и бояре были прикреплены таким образом к месту и ограничены тесными рамками, но тем не менее все еще сохраняли некоторую политическую и социальную автономию, основанную на знатности их происхождения и на владении старинными вотчинами или хотя бы остатками вотчин и удельных земель. Здесь они сохраняли еще некоторые

верховные права и многие привилегии. Московское правительство пользовалось средством двух родов, чтобы уничтожить их.

Во главе новой иерархии не ставились потомки Рюрика и Гедимина, предпочтение отдавалось простым *«слугам»* государя, помогавшим раньше собирать русскую землю. Незнатное происхождение, хотя бы от простого конюшего царского двора, не составляло препятствия к занятию высокого поста. В этой новой, только зарождавшейся служебной аристократии отсутствовал кастовый, корпоративный дух, что облегчало задачу правительства. Другое, более действенное средство, к которому прибегало правительство – это конфискация земельных владений. Эта система здесь, среди разлагавшихся древних княжеств, применялась слишком широко и энергично и способствовала накопление в руках правительства огромной массы земель. Московское правительство начало раздавать эти земли, но с таким расчетом, чтобы новое *служилое* землевладение не имело ничего общего по своему характеру с древним. Это были и не уделы, и не вотчины, а простые поместья, как показывает само название земли, дававшееся в виде вознаграждения за службу соответственно занимаемому месту. Поместья были в пожизненном владении и по наследству передавались только лишь в том случае, когда наследник-помещик принимал на себя все служебные обязанности своего предшественника, Поместья, как и вотчины, были свободны от налогов, но зато на них лежала наиболее тяжелая повинность, именно – государственная служба. Это нечто аналогичное с феодальными владениями Западной Европы, но с существенным отличием от него. Тогда как на Западе лен давался за добровольную службу, в московском государстве поместье давалось за службу и без того обязательную. В итоге здесь не создалось корпоративной аристократии. Платить жалованье натурой было выгодно для правительства и в том отношении, что постепенно сглаживалась разница между древним удельным или вотчинным владением и новым его типом – поместным. При таком порядке вещей вотчинник и помещик сливались в одну массу.

При временном, изменчивом характер поместного землевладения размеры его были довольно ограничены.

Иногда величина поместья не превышала тридцати десятин. Кроме того, часто наделение даже такими скромными поместьями отсрочивалось, затягивалось или же было чисто фиктивным. В 1570 году 168 душ *«детей боярских»,* так назывались лица, которые не унаследовали от своих знатных предков почетного титула, связанного с определенным служебным местом, были записаны на службу в Путивль и Рыльск. 99 из них, за неимением свободных поместий, не получили ничего. В то же время и по той же причине одному из таких *«бумажных помещиков»* не хватило 74 десятин из пожалованных ему 80 и таким образом он получил всего лишь 6.

Благодаря этому служилые люди по образу жизни, по домашней обстановке, одежде, пище очень мало отличались от простых крестьян; иногда материальные средства их были хуже, чем последних. Что касается высшей знати, то она занимает важнейшие должности и получает соответственное жалованье, живет она в деревянных, выстроенных по одному образцу, домах. Многочисленные пристройки, крылечки, теремки, затейливые крыши, службы придавали им внушительный вид. Внутри же эти покои разделялись на несколько изб, с деревянными полами, которые ежедневно выскабливаются и выметаются. Снаружи при входе лежала куча сена для вытирания ног. В горнице на видном месте стояла посуда, чаще оловянная, чем серебряная. Ничто не говорило о блестящей роскоши.

Разница между боярами и простолюдинами заключалась в том, что первые считали нужным окружать себя большим числом слуг: поваров, пекарей, садовников, портных и разного рода других работников. Тут же встречаются и дворовые люди, положение которых как будто выше положения других слуг, но вместе с тем оно не завидно. Обязанности их заключались в том, что они должны были постоянно сопровождать своего хозяина пешком

или на лошади, находиться при нем в дороге и дома во время деловых занятий и забав. Я чуть было не позабыл о приказчике, самом необходимым для помещика из всех его слуг. Хотя бы имение помещика состояло всего только из нескольких десятин, он не может обойтись без alter ego, тем более, что для него нет возможности самому заниматься обработкой земли, которая доставляет ему средства к жизни. Даже если бы он и захотел своими руками обрабатывать землю, это было невозможно для него, так как с раннего детства и до глубокой старости все время его было занято военной или гражданской службой своему государю. Служилый человек должен был быть мастером на все руки. Вот его призывают на войну. Он берет с собой мешочек пшена, несколько фунтов соленой свинины, немного соли, смешанной с перцем, если только его средства позволяюсь ему приобрести эту, вообще высокоценимую и относящуюся уже к предмету роскоши, приправу. Вместе с провизией он берет с собой топорик, трут, медный котелок – и он вполне снаряжен. В походе он обойдется без своего приказчика. По возвращении на родину он найдет, быть может, свое имение опустошенным или, по крайней мере, обворованным его же приказчиком, и будет подбирать апельсиновые корки и объедки тыквы, выброшенные на дорогу из кареты каким-нибудь проезжим иностранцем, как описывает Герберштейн, но он не выйдет из своего дома, хотя бы для того чтобы постучать в соседнюю дверь, без своей лошади и нескольких слуг.

Таково положение служилого человека. Нередко он желал бы расстаться с ним и слиться с другой категорией людей «неслужилых», которые не несут таких тяжелых повинностей, как он, и живут гораздо лучше его. Ничто бы его и не удержало, если бы не эта служба, с которой он связан неразрывной цепью. Понятия о корпоративной чести отсутствовали. В действительности демаркационная линия между служилыми людьми проводилась только лишь служебным списком. Кто-нибудь из «боярских детей» имеет братьев, которые по какому-либо случаю не попали в служебные списки, живут, как простые крестьяне и довольны своей судьбой. Случалось, что кто-нибудь из тех же «боярских детей» поступал к кому-нибудь из знати в качества простого портного.

Даже на вершине новой служебной иерархии замечается отсутствие чувства солидарности, завещанного аристократическими связями прошлого или выработанного общностью новых служебных обязанностей и положений. Оно постепенно изменяется и исчезает среди вечного произвола и постоянной перетасовки; люди перебрасываются с одного места на другое и из одного состояния переходят в другое, с низшей ступени служебной лестницы на высшую, из последнего ранга в первый и наоборот.

Происхождению и служебным степеням значения не придавалось. Все смешивались, и сегодняшний псарь завтра мог оказаться равным с самым знатным боярином. Смешиваясь с этой толпой «слуг» низшего происхождения и не чувствуя ни кровных связей, ни общих традиций и интересов с ними, потомки Рюрика и Гедимина скоро сами утрачивают если не гордость и воспоминание о своем происхождении, то, по крайней мере, стремление защищать, возвышать и высоко ценить свою новую службу, разделяемую с такими товарищами.

Так совершающийся процесс развития повторяется и в других слоях этого общества, лишенного единства. Ход его еще яснее заметен в судьбе другого класса – крестьян.

V. Крестьяне

То, о чем я собираюсь говорить здесь, представляет собой печальное явление.

Ребенком я еще видел последние дни режима, исчезнувшего в России полвека тому назад. Акт освобождения крестьян в 1861 году казался тогда запоздавшим актом справедливости и политического благоразумия. В действительности же он был преждевременным и поспешным, так как уничтожаемый им порядок вещей существовал всего лишь два с половиной века.

В противоположность тому, что совершалось во всех других государствах Европы, в России крепостное право явилось не пережитком варварских времен, а явлением, возникшим на почве новых отношений при переходе государства к европейской цивилизации. В некотором смысле оно парадоксальное следствие новой фазы национального развития русской жизни.

Парадокс этот – несомненный факт. К концу шестнадцатого века, когда во всех европейских государствах, не исключая и соседней России Польши, связи между крестьянами и владельцами земли разрывались или, по крайней мере, ослабевали, когда под влиянием новых социально-экономических законов рушился феодальный мир, – в России в это время напротив выковывались цепи, которые здесь раньше вовсе и не существовали.

До этого времени главная масса крестьян занимала покоренные или колонизированные земли и была, по крайней мере, формально свободна. Можно сказать, что положение их даже несколько улучшилось по сравнению с прежним. Прежде их называли *смердами,* что служило обозначением презрения к ним и было позорным (*смердит* – неприятно пахнет). Теперь же они получили другое общее название, указывающее на рост их социального достоинства, а также свидетельствующее и об отсутствии корпоративного обособления, что является характерным признаком отношений того времени между общественными элементами этой страны. Живут ли они в деревне или в городе, обрабатывают землю или посвящают себя другим занятиям, их называют *крестьянами,* т. е. *христианами.*

Они образуют главную массу земледельческих и промышленных рабочих. Обрабатывал ли крестьянин землю собственную или же такую, которая принадлежит ему только частью, он лично и его труд оставались свободными. В первом случае он располагал землей совершенно свободно, лишь бы уплачивал причитающиеся с него налоги в пользу государства или общины, от которой он зависел. Во втором случае он являлся фермером или арендатором и уплачивал за пользование земельным участком владельцу известную сумму, согласно договору. Условия и арендная плата были не везде одинаковы и зависели от местных обычаев, качества и действительной стоимости земли, а также и от юридических свойств занимаемой земли.

Одни из земель назывались *белыми,* т. е. свободными от государственных налогов, другие *черными.* На последних лежало податное бремя. К первым принадлежали вотчины и поместья, ко вторым относились земли дворцовые и крестьянские. Земельные владения церкви относились то к одной, то к другой категории, в зависимости от условий, создаваемых для духовенства, и от того, к какому разряду относились приобретаемые им участки.

Арендные или оброчные договоры заключались на три года и на более продолжительное время, в зависимости от севооборота. Договоры такие были очень часты по всему северу и в центре края. Лица, приобретшие право пользоваться землей, в большинстве случаев пользовались значительной свободой действия. Другие же договоры создавали для землевладельца повинности, напоминающие обязательства английского Sveman'a. Он должен был рубить лес для помещика и перевозить в его усадьбу, иногда уплачивать при выдаче замуж дочерей некоторую сумму, по образцу французского formariage'a. Обычай требовал также, чтобы каждый из держателей земель делал некоторые подарки ее владельцу к Рождеству, Пасхе и другим праздникам.

Все эти специальные повинности носили название *барщины, изделья* или еще *боярщины*. В них можно видеть зародыш будущих, увы, уже рабских отношений. Барщина и другие повинности имели в то время некоторое основание в том, что крестьянин часто получал от помещика ссуды деньгами, земледельческими орудиями и семенами. Все взятое он должен был возвратить вместе с процентами.

Цены на пользование землей были очень различны, и трудно установить их размеры. В центральных областях плата за *обжу* или *выть* (пятьдесят десятин) – достигала в средине

шестнадцатого века 1–2-х рублей. Но часто денежная плата заменялась отработкой. Держатель, например, *обжи* должен был за нее обработать владельцу одну или полторы десятины. Остается установить относительную цену рубля в эту эпоху.

По сопоставлению цен на хлеб, он равнялся почти 100 современным нашим рублям. Но это определение слишком проблематично.

На *черных* землях, принадлежавших государству, плата за землю заменялась налогами и повинностями, вполне соответствовавшими ей, но вообще менее тяжелыми. На *белых* и *черных* землях, принадлежащих церкви и особенно монастырям, условия землепользования обыкновенно были более легкими.

Крестьянин, на чьей бы земле он ни сидел, мог свободно оставить ее, лишь бы только покончить расчет с ее владельцем. Точно так же последний мог передать ее другому крестьянину по окончании контракта. Подобные явления встречались сплошь и рядом. Чрезвычайная подвижность населения издавна была характерной чертой русского государства; в это время она даже несколько усилилась. Но уже с XIV века эта обоюдная свобода, благодаря экономической необходимости, подверглась ограничению. Сначала установился обычай, что помещик не мог воспользоваться своим правом во время жатвы, когда у крестьянина также не могло явиться мысли воспользоваться своим. Иван III установил большую определенность в отношениях между владельцем и крестьянином. Время и двухнедельный срок для взаимных расчетов были приурочены к Юрьеву дню (17 ноября). С этого времени крестьяне при переходе начинают уплачивать владельцу земли так называемое *пожилое* в размере от 65 копеек и до рубля шести коп., в зависимости от ценности участка. Таков был закон. На практике он, конечно, часто нарушался. Рабочих рук было мало, и их разыскивали повсюду. Как князья переманивали друг от друга себе «слуг», так и помещики переманивали крестьян. Часто это производилось насильственным способом и называлось *свозом*. Нередко крестьянина удерживали на прежнем месте под предлогом неуплаты каких-нибудь повинностей. Но, несмотря на эти стеснения и ограничения, свобода оставалась свободой.

Положение крестьянина, без сомнения, было тяжело. Он выполнял повинности перед помещиком и общиной, вносил подати на судопроизводство. Причем плата за пользование землей все увеличивалась. В своей книге о русском сельском хозяйстве в XVI веке Рожков рассчитал, что в северных областях около половины крестьянского урожая поступало в пользу помещика. Остальной же части едва хватало на полгода, чтобы прокормиться крестьянину со своей семьей. Разведение скота или какой-нибудь мелкий промысел помогали только кое-как сводить концы с концами. Крестьянин был очень беден, но он, как древний англосаксонский ceorl или германский Markgenosse, в юридическом и административном отношении был равным до некоторой степени с боярином, купцом и духовенством. Судебные учреждения были общими как для него, так и для лиц других сословий. Причем в тяжбе с лицами иного сословия, подчинившимися особой юрисдикции, крестьянин, наравне с другими, мог требовать для себя того суда, которому он подлежал по закону. К тому же крестьянин пользовался некоторой долей самоуправления в среде сельской или городской общины, которая еще в недавнее время служила предметом испытания проницательности историков. Я еще вернусь к этому вопросу при более основательном рассмотрении подробностей организации государства.

Как я уже упоминал, не все крестьяне занимались земледелием. В документах этого времени часто встречается разделение крестьян на *палатных* и *деревенских*. Что же представляли собой эти *деревенские* крестьяне? Документы относят к этой категории мельников, портных, сапожников. Здесь еще раз выступает отсутствие корпоративной организации, смешение социальных элементов; исключение составляет только церковь.

Итак, в деревнях есть крестьяне, не занимающиеся обработкой земли, а в городах встречаются крестьяне-земледельцы. В деревнях крестьяне из первой категории часто при-

мыкают к загадочному разряду *бобылей,* хотя это некоторыми оспаривается.[1] Бобыли – это крестьяне без земли. Иногда они обрабатывают землю, но в качестве батраков. Большею же частью это ремесленники, но еще чаще просто бродяги, смешивающиеся с другими разного рода общественными отбросами – казаками, скоморохами, нищими и даже разбойниками. В несении налогового бремени бобыли принимали участие, и было бы крупной ошибкой считать, что в этом отношении они составляли исключение и отличались от *тяглых* (от слова тянуть, т. е. нести податные повинности).

Земли иногда еще освобождались от налогов особыми грамотами на время или навсегда, но это составляло исключение. *Тянуть* же *тягло* – было общим правилом данного времени. Платили везде и за все. С бобылей также взимались платежи и повинности с дома и с ремесла, которым они занимались. Не платили они налогов за землю, которую иногда обрабатывали, но это потому, что занимались этим делом в пользу других. Это единственное различие между бобылями и обыкновенными крестьянами-землевладельцами.

В бобыли можно было попасть или по несчастию, или по доброй воле. Но ничто не удерживало в этом незавидном положении, и с ним легко было расстаться, лишь бы нашлись средства, чтобы вернуться к тому положению, в каком находились остальные крестьяне. В XVI веке количество бобылей среди сельского населения колеблется от 2,4 % до 41,6 %. Цифры более низкие относятся к монастырским владениям. В следующем веке это отношение изменилось благодаря влиянию смуты, терзавшей наследие Грозного. Население сделалось еще более подвижным, и одни только монастыри более или менее удерживают рабочие руки, привлекая из сел и деревень массу бобылей и других земледельческих элементов, так называемых *монастырских детенышей.* Они не платили податей, но все-таки были лично совершенно свободными.

Существовало ли тогда рабство в русском государстве, которое до половины XIX века являлось последним оплотом крепостного права в Европе? На этот вопрос приходится ответить утвердительно. Но в XVI веке несвободный элемент составлял едва заметную часть населения.

VI. Несвободное население

Даже в позднейшее время обращение военнопленного в рабство признавалось на Руси естественным правом победителя. Кроме того, рабство имело еще и другие источники, както: выход замуж за раба и рождение от такого брака, несостоятельность должника, выполнение некоторых обязанностей по домашней службе и добровольное согласие стать рабом. До XIV века должность *тиуна* (княжеского ключника) была связана неразрывно с лишением личной свободы. Несостоятельный должник до XVII века становился рабом своего кредитора до тех пор, пока не погашался полностью долг. В XVI веке к этим источникам рабства присоединился еще один – нового происхождения, так называемая *кабала.* Это арабское слово обозначает такой договор, когда занимавший деньги, обязывался уплатить их с процентами посредством отработка. Сам по себе такой договор не влечет за собой потери свободы, так оно и было в Германии и южной Италии. *Кабальный* мог освободиться, расплатившись. Но в России кабальная зависимость влекла за собой потерю личной свободы, рабство. Вся история сложившегося здесь рабства полна примерами таких фактов.

Законы Ивана Грозного перечисляют четыре категории рабов: полные *холопы,* такие, которые обращены в безусловное рабство, распространяющееся и на их потомство; *холопы старые*, т. е. утерявшие свободу в силу давности по каким-либо условиям, *холопы кабаль-*

[1] См. по этому вопросу книгу Дьяконова «Очерки по истории сельского населения в России», 1889 г., стр. 209, и Сергеевича «Русские юридические древности», 1903 г., III т., 133 и след. стр.

ные и, наконец, *докладные,* утратившие свободу по *докладу* – особой формы договору, свободно заключенному. Констатируя положение, созданное прошлым, законодатель старается смягчить это завещание варварских времен, стремится ограничить условия перехода во многих случаях. Вступив в общение с западным миром, Россия, казалось, склонна была вместе с другими плодами цивилизации усвоить и свободу. Мы не имеем документальных данных и не можем представить точных цифр, но, основываясь на косвенных указаниях, приходим к заключению, что вопрос об избавлении от рабской зависимости касался самой незначительной части трудового населения.

Эта была эпоха, за которой последовало всеобщее порабощение народа. Как же это случилось? Почему произошло такое странное извращение в ходе развития уже определившихся отношений?

До последнего времени вся тяжесть ответственности за введение на Руси крепостного права, по общему мнению, должна была пасть на правительство конца XVI века. По наиболее распространенному взгляду, оно одно по своему почину и собственными средствами произвело глубокий и печальный переворот в юридическом и социальном положении трудящихся масс. Теперь этот ошибочный взгляд оставлен. Крепостное право здесь, как и в других местах, явилось продуктом времени и особенного политического и экономического состояния государства. Нет надобности для объяснения этого факта прибегать к туманным построениям славянофильской доктрины.

По мнению Кавелина,[2] крепостное право есть естественное, логически неизбежное следствие всей организации русского государства, основанной на принципе патриархальной власти. С этой точки зрения оно носит скорее характер благодеяния. Встречавшиеся иногда случаи жестокого обращения обусловливались всеобщей грубостью нравов, но никак не принципом.

Власть одного человека над другим представляла собой только вид опеки и основывалась не на силе господина, а на слабости опекаемого, нуждавшегося в опоре, защите и руководительстве. Но эта гипотеза не объясняет нам, почему именно в период государственного развития замечается увеличение массы социально обездоленных и ухудшения их тяжелого положения, когда, казалось бы, личная зависимость должна была если и не уничтожится, то, по крайней мере, ослабеть. Между тем, в действительности, как рисуют ее исторические факты, мы видим другую картину. В истории русского населения XVI века замечаются два крупных явления: это быстрое исчезновение крестьян-собственников и внезапное обеднение всего вообще крестьянского населения.

И вот последствия: с одной стороны, масса трудящихся – земледельцев и других, – не находя больше средств к пропитанию, решаются отказаться от своей свободы, чтобы не умереть с голоду. С другой – огромное количество крестьян, сидящих на чужой земле, не в состоянии уже расплатиться с владельцами и таким образом теряют существенное право, от которого зависит их свобода, право перехода к другому помещику по истечении договорного срока. Одни, утратив кормившую их землю, должны были или просить милостыню, или идти в холопы. Другие не в состоянии возвратить владельцу занимаемых ими участков земли полученную от него в той или иной форме ссуду. В большинстве случаев крестьянин при вступлении в пользование участком земли получал ссуду, равнявшуюся 3 рублям. По истечении 10 лет он обязывался возвратить вместо 3 руб. – 30 руб. и, кроме того, уплатить 56 коп. или 1 р. 06 коп. *пожилого.* Это составляло около 300 руб. на наши деньги.

В большинстве случаев сделать единовременно уплату такой крупной суммы не было никакой возможности. Так создавалось препятствие к переходу к другому владельцу. Непрерывно растущий долг, *серебро,* как его называли, обращался в обязательство, прикрепляв-

[2] Сочинения, I, 630.

шее крестьянина к земле. В конце концов эти *серебряники* сливались с простыми рабами – *холопами докладными* и *кабальными.* Точно такова же была история несостоятельных арендаторов, сидевших на римском ager publicus, как изображает в своих исследованиях Фюстель де Куланж.

Формально признавалась личная свобода большей части крестьян, но она на практике с половины XVI века сделалась привилегией землевладельцев и все более и более уменьшающейся группы незадолженных крестьян, сидевших на чужой земле.

Что же послужило причиной этого общего обеднения земледельческого класса? Не трудно угадать. Военное положение обходилось слишком дорого. Я уже указывал, какую боевую организацию создало московское государство. Непрерывно увеличивая свои военные силы, оно должно было соответственно увеличивать и расходы.

Приходилось прежде всего платить вознаграждение «служилым людям», которые все в большем и большем количестве призывались под знамена. Затем, стремясь преобразовать свое военное устройство по образцу западноевропейских государств, правительство должно было делать расходы на новое иностранное вооружение, экипировку и уплату жалованья иностранцам, набиравшимся в русские войска из разных европейских стран. Откуда же было брать средства для этого?

Единственным источником обложения, единственным доступным для пользования богатством края была земля. На нее-то и легли все эти новые тяготы. Что бы наделить *служилых* поместьями, правительство уменьшало владения крестьян; чтобы наградить иностранных мастеров, оно облагало податями помещиков, которые старались выжимать побольше с крестьян, сидевших на их земле. Земля отвечала за все, покрывала все расходы. Она стала как бы государственной монетой, на которую разменивались труд, служба военная и гражданская и всякого рода повинности. И земля не сопротивлялась. Никогда, даже находясь в руках вотчинников, она здесь не считалась предметом полной, неприкосновенной собственности. Очень рано установился взгляд, что земля является в сущности достоянием государства. Переход ее в частные руки допускался в известных пределах, но верховное право на нее сохранялось за государственной властью. Сами землевладельцы оказывались в полной зависимости от государя. При отсутствии корпоративной организованности, что я уже раньше отмечал, они не в состоянии были оказывать ему серьезное сопротивление и защищать свои интересы.

Так своей слабостью или покорностью они способствовали развитию системы, от которой сами же страдали. Более же строптивым оставалось одно средство – бегство за пределы досягаемости. Это характерная черта русского человека – скрыться, уйти прочь, но только не бороться с невыносимыми условиями. Мы еще увидим, как проявилась в истории эта черта. Крестьяне прибегали к вышеуказанному способу защиты в количестве еще более значительном, чем помещики. Для них бежать было и легче. За помещиками и вотчинниками более следили. Отправляясь в соседнюю Польшу искать себе счастья, они подвергались большим случайностям и серьезному риску. Крестьянину стоило только перейти юго-восточную, слабо охраняемую, границу, а там за нею тянулись бесконечные пространства, где его гостеприимно встречала свободная от всяких налогов и повинностей девственная земля.

В XVI веке, с самого начала его, земледельческое население русского государства бежит, оставляя землю необработанной. Явление это становится общим и принимает размеры настоящего национального бедствия. Государство чувствует, что это подрывает его основы и считает нужным вмешаться. Оно обращается сначала к более угнетенным. Определенных планов пока еще не замечается, но уже с половины XVI века проведен ряд мер, если и не в законодательном, то в административном порядке и путем целого ряда судебных решений. Меры эти имели целью сделать неподвижным налог и таким образом удер-

жать население на *черных* дворцовых землях. Сидевшие на чужой земле были еще свободны оставить свой участок, но с тем условием, чтобы в другом месте, куда они перейдут, несли такое же, как и прежде, или высшее *тягло*. Затем очередь дошла до *белых* земель, находившихся во владении служилых людей. Крестьяне убегали и разоряли помещика, а разоренный помещик оставлял государство в убытке.

Правительство, не прибегая пока к общим мерам, старалось упрочить положение помещиков и обеспечить себе регулярность их службы путем частных местных распоряжений. Помещику, например, в виде исключения предоставлялось право задерживать поселившихся на его землях крестьян, а также разыскивать и возвращать их к себе в случае бегства.

Такова вообще была политика Москвы: сначала ставить только вехи будущей решительной, коренной реформы.

Две грамоты, данные братьям Строгановым в половине XVI века, ознаменовали собой решительный шаг правительства на этом пути. В грамотах было сказано, что Строгановы обязаны ловить и возвращать на место беглых крестьян, если они оказались в обширных областях, отданных им для колонизации. Сюда, в отдаленные, дикие степи направлялось из центра население, разрушая таким образом экономическое благосостояние государства и его военную силу. Некоторые полагали, что с половины XVI века общим мероприятием был запрещен свободный переход только для известной категории крестьян – так называемых *старожильцев,* т. е. земледельцев, уже давно сидевших на занимаемых ими участках.

Однако, вопреки мнению Дьяконова и других историков, Сергеевич решительно опроверг эту гипотезу.[3] Вопрос о рабочих руках и о поземельном обложении сыграл здесь решающую роль. Он породил то чудовище, которое носило имя *крепостного права.* Одно рабство имело следствием другое: служилый человек, запертый в железной клетке, втолкнул в нее крестьянина, за которым в свою очередь туда последовали купец и духовенство. Мы уже видели, что городское население ничем не отличалось от сельского. В этом заключалась целая пропасть, отделявшая Россию XVI века от других европейских государств.

VII. Городское население

На западе успехи торговли и промышленности привели к организации городского населения в корпорации, вооруженные для борьбы с феодализмом. В среде этих групп, благодаря солидарности их членов между собой, выработался тот дух свободы, который царил над всем устройством самоуправляющихся общин; развилась материальная и умственная деятельность, откуда вышли высшие формы экономической жизни: накопление капитала, учреждение кредита и высшие формы умственной жизни: наука, искусство, общественность.

Россия не знала ничего подобного и, быть может, именно отсутствие этих центров жизни и общественной позиции способствовало образованию и укреплению введенного в государстве деспотического строя.

Торговля оставалась ограниченной, промышленность едва существовала, и город здесь не являлся естественным следствием их развития. Долгое время город, как показывает само название (*город,* огороженное, укрепленное место), имел совершенно иное назначение. В самом деле, как мы видели, в Москве промышленная и торговая жизнь кипела вне городских стен, в *посадах* и *слободах,* населенных множеством ремесленников. Последние и по своему положению, и по правам сливались с жившими здесь же с ними и не уступавшими им по численности земледельцами. Только в XVI веке государство решило установить различие чисто фискальное, сводившееся не к различию между двумя категориями

[3] «Русские юридические древности», III, 460 стр. и дальше.

населения, а между двумя местами жительства: горожане должны были платить больше, чем поселяне. Реформа, очевидно, не имела своей целью установить между плательщиками какую-либо органическую связь. Единственной задачей правительства здесь, как и в других местах, было создать высший оклад налогов и сделать его неподвижным. Политико-экономические идеи правительства были слабы и ошибочно далеки от того, чтобы способствовать увеличению этого источника доходов; оно его, напротив, парализовало, повышая налоги. Оно ставило на каждом перекрестке таможенного надсмотрщика и на каждом углу улицы сборщика, монополизировало для выгоднейшей эксплуатации все отрасли промышленности и торговли, начиная с продажи ржи, овса, вообще зерновых продуктов, приготовления пива, кваса и других напитков.

И нигде никто здесь не защищается, не замечается ни малейшего следа борьбы против этого постепенного захвата. Случай со Псковом и Новгородом чисто политического характера. Между тем элементы оппозиции были. С самых отдаленных времен торговля была в чести в стране и считалась благородным занятием. Предприятия варягов, как и древних славянских князей, имели одновременно военный и торговый характер. Герои национальных былин – Садко, Соловей Будимирович, Чурила Пленкович, Васька Буслаев – воплотили этот двойственный тип торгового дельца и отважного авантюриста. Оппозиционные элементы были, но недоставало корпоративного духа. *Купец,* розничный торговец, и *гость*, оптовый, оба занимаются коммерцией, но однако они также склонны и к другим занятиям и часто предаются им.

С другой стороны, профессиональная специальность, которой они обязаны своим именем, не ограничивается только ими. Торговлей с увлечением занимаются все: крестьяне, монахи, военные, важные сановники – занимаются до того времени, когда государство, под давлением одной и той же заботы, не разделит функции, чтобы лучше разложить и закрепить повинности. Это будет делом XVII века. Но и тогда будет еще только одним полком больше в великой армии, больше узников в великой темнице, а корпорации все-таки не будет; они создадутся позже указами Петра Великого и Екатерины II. До них история не создаст этого. Таким образом разобщенные социальные элементы после падения Пскова и Новгорода, поглощенных великой военной державой, лишились единственных центров, где могли достигнуть более или менее значительного сплочения. Эти элементы подверглись общей участи закрепощения, так как были бессильны выполнить ту роль, какую городские общины Запада блестяще выполнили в высшем культурном движении.

Оставалась церковь. Я сейчас покажу, почему и она, под действием тех же причин не могла идти по следам своей западной соперницы.

VIII. Церковь

Благодаря обаянию, вытекающему из деятельности церкви в стране сильной веры, и тому, что она была единственной хранительницей и рассадницей знания и, кроме того, обладала большими материальными средствами, ей удалось достигнуть значительного могущества. Заключая в себе в начале XVI века десять епархий: Московскую, Новгородскую, Ростовскую, Вологодскую, Суздальскую, Рязанскую, Смоленскую, Коломенскую, Зарайскую и Пермскую, она пользовалась в своем ведомстве обширной юрисдикцией. Агентами ее в данной сфере деятельности являлись церковные должностные лица, а также и уполномоченные светские – бояре, епископские дьяки, наместники, судьи. Отправление суда в то время было связано с обложением тяжущихся сторон известными пошлинами: по образцу светского суда и церковный эксплуатировал население. Порядок этот основывался на частноправовом взгляде на государство. Он давал церкви возможность усилить свои средства, но не увеличивал ее морального авторитета. Правда, порядок этот должна

была затронуть реформа, создававшая в XVI веке разные административные центры из самоуправляющихся общин. По примеру того, что совершалось в области управления гражданского, были введены выборные и присяжные старосты также и во всех областях церковного ведомства; в то же время церковное судопроизводство оставалось отделенным от гражданского. Но это начинание имело кратковременный характер. Государство испробовало его совершенно случайно, подчинившись либеральным веяниям, шедшим с Запада. Но оно, как мы увидим, скоро вернулось на путь своего деспотизма, и церковь, подчинявшаяся одному порядку, последовала за правительством и при другом. Она постепенно сливалась с соперничавшей властью государства, пока не произошло почти полного совпадения их органов, функций и ведомств. Между тем церковь не лишена была средств, чтобы отстоять и сохранить свою независимость. Вплоть до управления имуществом, ее прерогативы были равны царским. Церковные земли, с точки зрения административной и судебной, были совершенно независимы от правительственной власти. Исключение составляли только некоторые уголовные дела – воровство, убийство, разбой. А земли ее были слишком обширны. Неравномерно распределенные, но постепенно возраставшие богатства духовенства белого и черного, последнего в особенности, превосходили богатства всех других классов. Рассеянные в пятнадцати епархиях митрополичьи владения приносили в конце XVI века до 3000 рублей дохода.

Епископ Новгородский был еще богаче: ежегодный доход его равнялся 10–12 тысячам рублей. Другие епископства были также щедро и всегда более чем достаточно наделены. Приходское духовенство находилось в менее выгодных условиях. Оно пользовалось скромными земельными наделами, которые иногда не превышали 3 десятин и редко достигали 30 десятин. Кроме того, получало денежные поддержки – *руш* от 12 копеек до 19 рублей. Рассчитывать на щедрость верующих не приходилось, так как жертвования направлялись преимущественно в монастыри. По меньшей мере, раза четыре в год священник обходил свой приход с крестом и святой водой. Но даже с дохода, который добывался таким нищенским способом, епископ удерживал себе десятую часть.

Большая часть общественного богатства находилась в руках черного духовенства. Оно владело громадными пространствами земли. К доходам присоединилась еще дань национального благочестия, часто чрезвычайно огромная. От одного Ивана IV Троицкий монастырь за 30 лет получил не менее 25000 рублей, что по минимальному расчету должно составлять около миллиона рублей на наши деньги. Находившийся в менее благоприятных условиях Кирилло-Белоозерский монастырь получил в течение того же времени 18 493 рубля, не считая даров натурой. Например, в 1570 году ему было пожертвовано 100 пудов меду, в следующем – 10 лошадей и от времени до времени другие предметы – иконы, ценная церковная утварь. Одно присланное священное облачение было оценено в 6000 рублей.

Обширные монастырские владения в большинстве случаев освобождались от налогов и повинностей. Духовенство пользовалось свободой взимать таковые в свою пользу. Оно привлекало и удерживало у себя множество рабочих рук. К доходам с земли, которая обрабатывалась лучше, чем где бы то ни было, и к богатствам колонизированных мест, увеличивавших владения, монахи присоединяли различные промыслы. У них скоплялись деньги страны. Выгодно помещая их, они становились крупными капиталистами, почти единственными коммерсантами, а как землевладельцы они не имели конкурентов. Обладая лучшими землями в 25 уездах, Троицкая Лавра имела 106 600 крестьян, и доход ее равнялся 60 000 рублей в год; на наши деньги около 2 400 000 рублей. В своих исследованиях Иконников устанавливает величину дохода всех великорусских монастырских общин в 824 593 рубля. Доход этот получался с 3 858 396 десятин земли, обрабатывавшейся 660 185

крестьянами. К этой цифре нужно прибавить еще доход с земель, обрабатывавшихся непосредственно самими монастырями.

Вычисления эти только приблизительны. Однако все документы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о громадных и несоответствующих общему состоянию страны богатствах монастырей.

Было бы однако большой несправедливостью утверждать, как это делали в то время, что духовенство, белое и черное, употребляет свои материальные средства и моральное влияние только для своих выгод. Очень долгое время здесь, как и в других местах, нравственное сознание народа находило себе поддержку только в среде этой национальной церкви и свое выражение – в ее учении. По крайней мере до половины шестнадцатого века духовная власть представителей церкви и особенно митрополита служила благодетельным противовесом всемогуществу государства. Из прав, присвоенных высшему духовенству, заступничество за жертв произвола и насилия должно быть вписано золотыми буквами в историю страны. Кроме того, церковь и белое духовенство были деятельными сотрудниками и, с некоторой точки зрения, главными работниками в великом деле национального объединения, к которому стремилась Москва. Это требует пояснения. У первых «собирателей земли русской» идея единства была еще полусознательной.

В своем завещании сын Калиты Симеон Гордый (1341–1353) настойчиво рекомендует своему сыну идти по намеченному им пути, «чтобы память о наших отцах и о нас не изгладилась и чтобы не потух светильник»… Однако не гордая мечта переустройства великой родины, а другие заботы вызывали вековые усилия этих темных князей. Они прикупают деревню к деревне, прибавляют владение к владению, накопляют в своих сундуках золото, серебро, драгоценные камни, жемчуга, обсчитывают своего господина, татарского хана, при уплате ему дани, разоряют и убивают своих братьев-князей. Если же кому-нибудь из них придется высказать свою затаенную мысль, объясняющую причину этой упорной работы, он просто скажет, что это все делается ради того момента, «когда нас Бог избавить от Орды»… То, чего они желали, была прежде всего свобода, возможность не гнуть больше спины под сапогом иноземного завоевателя и не слизывать с шеи коня капель кумыса, который прольет хан из кубка, поданного ему ими же. Им еще приходится это испытывать. И они хотят выйти из этой зависимости. И когда это случится, они снова примутся накоплять новые богатства, будут совершать новые насилия и грабежи с единственной целью приобрести несколько десятин и наполнить сокровищами несколько лишних сундуков.

Однако идея национального единства мало-помалу проникает в упрямые головы этих фанатических скопидомов. Она родилась и выросла рядом с ними. Гораздо раньше, чем какой-либо московский князь подумал сделаться политическим представителем объединенной Руси, митрополит московский стал ее религиозным представителем. Такова была сила вещей.

Славянский Восток составлял как бы одну епархию, зависевшую от константинопольского патриарха. Таким образом он имел главный центр объединения, общий очаг. Этот центр долгое время был кочующим, как и все другие. Но уже современник Калиты (1325–1341) митрополит Петр решился принять титул *митрополита всея Руси,* и тогда же князья, отстаивавшие друг перед другом первенство Москвы, Рязани, Суздаля, Твери, заспорили из-за того, чья столица будет местом пребывания митрополита и с ним приобретет видимый знак превосходства. Михаил Ярославич Тверской сначала взял верх и начал называть себя *князем всея Руси.* Но Калита скоро победил, и преобладание Москвы было утверждено за полтора века до Ивана Великого. Полтора века спустя религиозное единство распалось, благодаря образованию по соседству в польско-литовском государстве нового духовного центра. Флорентийская уния завершила разобщение между этими двумя центрами. Но уже в то время политическое единство, выросшее и окрепшее в Москве, приобрело шансы стать

прочным и продолжительным. Монастыри со своей стороны внесли часть дани в дело колонизации, которому новая Русь также в некоторой степени была обязана своим возникновением.

Движение монастырской колонизации шло главным образом в противоположном направлении тому, которое совершали обыкновенные колонисты, побуждаемые исключительно практическими соображениями. Тогда как последние направлялись в богатые южные земли, монахи, воодушевляемые высшими идеалами, направлялись на северо-восток, в пустынные места и непроходимые леса. Без них сюда долго бы еще не проникли и предприимчивые миряне. Там они входили в соприкосновение с финским населением, еще поклонявшимся идолам, и выполняли двоякую задачу: разрабатывали девственные земли и просвещали души язычников. Они все подвигались и подвигались вперед. Таков Трифон, современник Ивана Грозного. Он со своим товарищем Феодонитом на берегу реки Печенги научил искусству обрабатывать землю и просветил истиной веры лапландские племена, которые встретили сначала враждебно благочестивых отшельников, а потом стали послушны им.

На востоке, со стороны татарской границы, религиозная проповедь также опередила завоевания. Возникшие здесь монастырские учреждения задолго до взятия Казани, еще в четырнадцатом веке, перешли за р. Суру, а потом продолжались и дальше, помогая, а иногда и защищая прогресс национального движения. Располагая большими средствами, часто хорошо укрепленные, монастыри были поддержкой для армии во время военной кампаний. Монастырь Святого Кирилла со своими валами, снабженными артиллерией и 38 массивными башнями, в стратегическом отношении превосходил Новгород.

Наконец, если стечение верующих в эти излюбленные места паломничества давали повод к непростительному торгашеству на ярмарках, совпадавших с приходскими праздниками, если обыкновение давать частным лицам взаймы деньги и брать с них не менее 10 %, если все это вызывало ожесточенные споры, то все же существовала до XVIII века традиция, требовавшая, чтобы эти богатства, собранные в одних руках, являлись в некотором роде запасом, к которому государство могло бы прибегнуть в годину испытаний. Подобно сокровищам, накопленным египетскими жрецами в знаменитом Лабиринте, не были оберегаемы так строго, чтобы в них не видели в некотором роде общего достояния. Обычай также требовал, чтобы монастыри никому не отказывали ни в пище, ни во временном пристанище. Князья и бояре сами пользовались этим, заезжая по пути в Господни обители и, подкрепившись в них, брали еще с собой запасы в дорогу. Что же касается бедняков, то они смотрели на обители как на нечто принадлежащее им. И монастыри оправдывали подобные претензии. В Волоколамском монастыре в один неурожайный год однажды роздали хлеба 7000 человек и в течение месяца кормили 4–5 тысяч голодавших. Это было при Василии Ивановиче, отце Грозного. Игумен Иосиф в этот год продал скот и даже монастырские облачения. Монахи отказались даже от кваса и ограничивались самой необходимой суровой пищей. С этого же времени стали основываться при монастырях гостеприимницы и больницы.

Чего же недоставало этим подвижникам, чтобы еще больше возвысить их значение, чтобы, как на Западе, основать в своих обителях и при церквах очаги высшей культуры и элементарного образования, чтобы стать не только религиозными просветителями, но и воспитателями, насадителями цивилизации среди своего народа? Чего не было у этих, часто героических, священников, из которых одни ходят от дверей к дверям, собирая подаяния для тысяч обездоленных, другие выдерживают борьбу со стихиями в суровом северном крае или идут к трону смягчать страшный царский гнев? История давно ответила: им недоставало образования.

Из 23 митрополитов, бывших на Руси до монгольского нашествия, 17 было греков, и еще долго после этого греческий и болгарский элемент преобладал в составе духовенства

как белого, так и черного. Даже после того как русские митрополиты перестали быть поставляемы в Константинополе, т. е. сразу же после Флорентийской унии, они все еще продолжали искать там утверждения в своем сане.

Частые появления на Руси восточных монахов за сбором милостыни и частые путешествия русских паломников к обителям Афонской горы и другим соседним святыням – все это поддерживало непрерывные сношения между обеими церквами. Религиозная жизнь страны, таким образом, постоянно обращалась к своему первоисточнику. История доказала, что это был источник, из которого и Западная Европа некогда утоляла свою духовную жажду. Я покажу далее, что Русь XVI века могла приобретать оттуда, какие элементы культурного и нравственного развития могла черпать там. Здесь я остановлюсь только на одном факте.

С 1420 по 1500 год в стране возникло 150 новых монастырей и с 1500 по 1588 г. еще 65. Хотя английский путешественник Флетчер и преувеличил, называя Россию шестнадцатого века «страной монастырей», но несомненно, что этого рода учреждения достигли в эту эпоху сравнительно больших размеров. Крайняя свобода, которая царила там, одна в достаточной степени может объяснить это.

Первый пришедший отшельник, имевший средства выстроить какую-нибудь маленькую церковку или молельню из дерева, мог по желанию сделаться игуменом, начальником общины. Он обращался к государю, боярам или просто богатым людям, чтобы получить от них земли, а благочестие верующих и значение, какое вообще придавалось молитвам иноков, делало остальное. Но все эти учреждения принимали неизменно устав Василия Великого, как Западные общины долгое время придерживались устава святого Бенедикта. Это положение сохранилось до наших дней. Не есть ли это доказательство ничтожной интенсивности в религиозной жизни, застывшей в одной форме?

Жизнь есть движение. С другой же стороны, мотивы, удерживающие в такой косности эти общины, не имеют ничего общего с заботами о благочестивом созидании или о возвышенном духовном усовершенствовании. Показав само явление, я должен подойти к его обратной стороне. Те факты, о которых я буду говорить, общеизвестны. Они возбудили почти общее порицание даже в среде самой церкви и вызвали реакцию, происхождение и характер которой я выясню, хотя она и оказалась бессильной и почти бесплодной.

Аскеты-идеалисты того времени, такие, как Максим Грек, Вассион Косой или Нил Сорский, закончили свою жизнь в заточении, преданные анафеме, исключенные из числа членов религиозной общины. Тот самый Феодонит, о высоких подвигах которого я уже упоминал, должен был умереть в темнице. Вина его заключалась в том, что он давал своим современникам слишком высокий пример для подражания. Большинство его собратий в клобуках было далеко от этой возвышенности.

Если они и не ограничивались тем, что в праздности, а иногда и в невоздержности, ели плоды своих занятий, если они, как мы видели, порой и уделяли часть своих средств бедным, все же их кругозор не выходил из сферы узкопонимаемой набожности, ограничивающейся внешней обрядностью. Очень много архимандритов и игуменов шли по еще более наклонному пути. Они отдавали монастырские богатства в рост и приспособляли устав к своим сибаритским привычкам. Общая жизнь в монастырях стала редким явлением. Общим столом пользовались только некоторые из братьев. Пища их была остатками пышных трапез настоятелей, завладевших общим достоянием и широко живших на них со своими застольниками, родными, друзьями, богатыми вельможами, избравшими себе местом жительства эти роскошные Фиваиды. Там весело проводили жизнь. Много пили. С XVI по XVII век, как показал Прыжов в своей «Истории кабаков»,[4] монастыри были крупными производителями и хранилищами разного рода напитков. В них собирались многочисленные

[4] 1868 г., стр. 53.

веселые компании. Женщины часто посещали кельи. Иногда там встречались также мальчики. В некоторых монастырях монахи и монахини жили рядом.

Преобразовательное течение шестнадцатого века должно было коснуться этого мира, зараженного испорченностью нравов, как и западные монастырские общины той же эпохи. Но здесь не было достаточно жизненного элемента, чтобы произвести реформу и дать ей восторжествовать. Начинания в этой области скоро остановились и нравственный авторитет церкви был навсегда поколеблен. Общественная роль церкви в это время уменьшилась и значение ее сильно ослабело, благодаря действию других причин. До татарского нашествия разделение русской земли на маленькие княжества и сохранение постоянной связи церкви с Константинополем были гарантией независимого положения ее владык. Но в это время они решили стать под защиту новой власти. Митрополит Кирилл стал жить при дворе самого хана. Милостивая грамота Мангу Тимура и щедро раздававшиеся его преемниками ярлыки были наградой за это положение. Но полученные таким образом милости влекли полнейшее отречение от былой независимости, и когда Москва получила наследие азиатских деспотов, привычка духовных владык к повиновению уже прочно укрепилась. Указы заменили собой ярлыки и требовали того же подчинения.

С другой стороны, как мной указано выше, церковь, поработав над созданием национального единства, способствовала разрушение уделов. Разделение страны действительно мешало проявлению ее власти. Но когда одно политическое предприятие преследуется двумя союзниками, они непременно сливаются, и слабая сторона должна подчиниться более сильной. Всемогущество, достигнутое Москвой, освятило этот результат. В то же время разрыв с Константинополем лишал постепенно покоряемую церковь того интернационального характера и той внешней точки опоры, которые определили судьбу католицизма и служили лучшей гарантией против светского деспотизма. В XVI веке право раздавать духовные места и церковные доходы было в руках государя. Такое положение вещей не было следствием какого-нибудь *конкордата.* Это было естественное следствие строя, соединявшего и смешавшего до нераздельности два разряда интересов и прав. Как высший покровитель православия с конца пятнадцатого века, государь созывает здесь *Соборы.* На этих соборах наряду с вопросами веры и обрядностей обсуждаются также и дела государственные. С другой стороны, и высшие духовные лица приглашаются часто в светский совет государя – *Думу* и принимают участие в совещаниях. Отсюда уже оставался только один шаг до того, чтобы вместе со всеми другими попасть в число служилых людей, подчиненных общему закону.

Черное духовенство также не избежало этого. После того как некоторые игумены и архимандриты начали участвовать на соборах и в Думе, монахи стали часто обращаться к государю, прося у него защиты против произвола епископов, подобно тому как их братья на Западе обращались к папе. Государь охотно отзывался на это до той поры, пока не почувствовал себя достаточно сильным, чтобы упростить эти отношения: он сосредоточил соответствующую юрисдикцию в одном из своих гражданских приказов. Из того унижения, в какое судьба ввергла как белое, так и черное духовенство, оно бы могло подняться добродетелью своего служения. Но для этого нужно было, чтобы интеллектуальная ценность и нравственное достоинство, хотя бы высшего духовенства, отвечали их высокому служебному назначению, и чтобы огонь и свет пламени священного призвания зажегся и горел на алтарях этой автокефальной церкви так же ярко, как на Западе, где такие папы, как Лев X и Пий V, придали ей всемирный блеск. Но Кириллы и Ионы, увы, не могли найти божественной искры под пеплом Византии.

Во время Ивана III высшее белое духовенство еще боролось. Когда разгорелся спор между великим князем и митрополитом по вопросам, касавшимся богослужения, последний покинул свой престол, оставил храмы без освящения и заставил таким образом государя «бить челом» в покаянии. Но уже при преемниках этого государя, еще недостаточно

укрепленных в своей роли всемогущих владык, для борьбы с торжествующим деспотизмом потребовалось нечто большее сознания оскорбленного достоинства. Святой Филипп, о мученичестве которого я еще буду говорить, был убит и своей кровью запечатлел верность попранным традициям и стремление к независимости. Его голос остался без отклика. Его пример не нашел последователей. Как и вся страна, церковь погрузилась во мрак и безмолвие. Громадная машина сокрушала умы и характеры своими тяжелыми колесами.

Глава вторая
Политическая и социальная жизнь

Центральная власть. Организация областного управления. Местничество. Община. Организация суда и законодательства. Экономический строй. Финансы.

I. Центральная власть

Машина была собрана и пущена в ход не сразу. При вступлении на престол Грозного она уже представляла сложный механизм с многочисленными колесами, который, согласно мнению Ключевского,[5] являлись следами в некотором роде древнего патриархального устройства, приспособленного к скромному быту удельных князей. Сергеевич же[6] видит в них определенные политические органы. Я не буду здесь вступать в спор. Это были *приказы*, или, правильнее, департаменты. Число их все возрастало: ведомства их были распределены очень неправильно. Это было следствием того, что образование и расширение их деятельности соответствовало росту завоеваний и колонизации. Одни из приказов, более древнего происхождения, ведали только некоторыми определенными делами многочисленных провинций. Таков был *разрядный приказ,* ведавший дела военные. В других же, напротив, сосредоточивались все дела какой-нибудь одной недавно приобретенной области. Таков был, например, *Казанский дворец,* учрежденный после взятия города. *Посольский приказ,* ведавший иностранные дела, был, конечно, один для всего государства. Наконец, некоторые, так называемые областные приказы – Московский, Владимирский, Дмитриевский, Рязанский – ограничивались ведением некоторых дел в соответствующих провинциях, соединяя, таким образом, черты первых двух категорий этих учреждений.

Беспорядок царил везде. Чтобы приводить в движение и управлять всеми этими колесами, нужен был центральный рычага. Где же был он? В руках государя? По-видимому, нет. Во главе приказов стояла *Боярская Дума,* нечто весьма сходное с *Советом* первых капетингов или с curia regia нормандских королей в Англии. Здесь, как и там, это был исторический продукт, творение национального объединения, происходившего в XV веке в области Оки и верхней Волги, и следствием военного устройства государства. Глава войска, московский князь, как и все предводители, должен был выслушивать мнения своих помощников в важных делах. Боярская Дума по своему происхождение и была ничем иным, как военным советом, преобразованным впоследствии, благодаря сложности дел, разбиравшихся в ней. Глава вотчины, князь, должен был считаться с потомками своих древних сподвижников, разместившихся теперь, как и он, в своих наследственных владениях и пользовавшихся там известной долей власти. Военный совет принял в свое ведение дела политического характера и по своему составу был аристократическим.

В шестнадцатом веке семьдесят фамилий, из которых 40 были княжескими, по-видимому, пользовались правом участия в Боярской Думе. Но было ли то право? Нет, это была скорее возможность, осуществление которой скорее зависело от воли государя. В этом уже проявлялось ничтожество этого учреждения, которое, казалось, могло бы ограничить абсолютную власть. Отсутствие корпоративной организации не позволяло Думе достигнуть значительной прочности. Большое количество бояр и князей обыкновенно присутствовало в Думе, но рядом с ними принимает участие в заседаниях еще более многочисленная толпа

[5] Боярская Дума, 1883, 2 изд., стр. 119 и дальше.

[6] Русск. юрид. древности, II, 434.

чиновников – не бояр и не князей: *окольничие* (от слова *около,* находящееся около князя), *дворяне,* лица состояние при дворе и, наконец, простые *дьяки.*

В действительности не нужно было происходить из знатного рода, чтобы быть призванным в *Думу.* В списке 1527 г. мы не находим ни Голицына, ни Куракина, ни Воротынского, ни Пронского, ни Хованского, ни Прозоровского, ни Репнина, ни Салтыкова. А перечисленные мною фамилии были из числа знаменитейших того времени. Побывать несколько дней в *Думе* еще не значило, что это так будет продолжаться и дальше. Для одного дела из занесенных в список 100 или более членов призывалось 20 человек, для другого такого же – только восемь. Никакого правила, никакого даже порядка, способного заменить его. Как чин, так и деятельность думских советников зависели от князя. Между деятельностью и чином никакой зависимости не было. В этом уже можно видеть зародыш будущей организации чиновничества.

Компетенция Боярской Думы была обширна и даже в некотором смысле не ограничена. Дума тем не довольствовалась, что осведомляла князя. Вместе с ним она осуществляла полноту власти: законодательной, судебной и административной. Она управляла в самом широком смысле этого слова и не только коллективно, но и индивидуально. После обсуждения какого-нибудь вопроса внешней политики *думный дворянин* мог быть послан наместником в Вятку, вслед за тем получить назначение командовать войском в Севск, а между двумя подобного рода службами он мог получить приказ «идти за крестом», вместо князя, в какой-нибудь торжественной церковной процессии или же идти к какому-нибудь знатному лицу с блюдом, которое царь пошлет ему милостиво от своего стола. Возвратившись после этого снова в Думу, он мог иметь случай принимать участие в судебном разбирательстве какого-нибудь процесса, поступившего туда в апелляционном порядке. По крайней мере одна статья «Судебника» 1497 года упоминает о судебных делах подобного рода, как о подведомственных *Думе.*

Для всех этих дел Думе, пожалуй, недостаточно было бы двух заседаний в день, о которых упоминают летописи: первое летом с 7 ч. утра до часу-двух по полудни. Второе начиналось после обедни, которую они должны были обязательно выслушать вместе с князем, обеда и отдыха после захода солнца, и продолжалось до довольно позднего ночного времени. Но этот обременительный труд выпадал на долю только нескольких думских советников, да и то через большие промежутки времени. Большею же частью учреждение бездействовало. Да и была ли Боярская Дума учреждением? Это скорее фикция разделения власти, а с XVI века она становится действительно только тенью. Работала ли Дума отдельно от государя или совместно с ним, все еще сохранялась фикция нераздельности их действий во всех актах. Если князя не было в Думе, признавалось, что он всегда присутствует в среде собрания. Если же он действовал один, считалось, что это делается совместно с *Думой.* Мне кажется, Сергеевич был не прав, не признавая идеи этого мистического единства. Она пережила Боярскую Думу и снова проявилась в отношениях Петра Великого с его сенатом. Но это была только идея. Несомненным фактом, особенно с XVI века, была личная абсолютная власть, осуществляемая государем с помощью другого совещательного учреждения, состав которого определялся еще более произвольно и был более ограничен. Это давало еще большую свободу абсолютизму. Мы говорим о Совете, собиравшемся обыкновенно в государевой опочивальне и состоявшем из двух-трех бояр или доверенных людей, без различия происхождения. Совет этот соответствовал *commune consioium,* существовавшем рядом с *magnum consioium* во всех западноевропейских монархиях. Но здесь он был более изменчив и подвижен и всецело зависел от воли и каприза государя.

С другой стороны, в областях власть князя осуществлялась даже без какого бы то ни было признака разделения. В некоторых местах, как мы сейчас увидим, судебная власть

находится в руках его прямых агентов. Порядок этот представляет либо полную привилегию государя, либо льготу, дарованную населению специальными грамотами *(тарханными)*.

Рядом с этим за князем сохранилось рассмотрение направляемых по старому обычаю на его имя просьб. Наплыв их вызвал в XVI веке учреждение специального, так называемого *челобитного приказа* – этого зерна будущей *«Тайной канцелярии»*.

Таким образом, государь является настоящим и притом единственным правителем, и его советники, так же как и его служилые люди, – только солдаты, которыми он командует, пешки, передвигаемые им по шахматной доске без всякого с их стороны сопротивления и без чьего бы то ни было контроля. В армии приобретает значение военный совет, он даже заставляет слушаться и считаться с его решениями во время неудачных походов. Но пусть едва победа и возвратится к вождю сознание своего значения – прощай генеральный штаб!

Планов Наполеона не обсуждают! Москва победила. Она продолжает торжествовать. Наследники Калиты, несомые на крыльях счастья, не желают отвечать за прошлое, не желают ни с кем считаться и в будущем.

Таково было положение в центре. Тот же тип военной организации установился и на окраинах.

II. Организация областного управления

Организация областного управления покоилась на владении землей. Владение землей создавало для собственников обязанности двух родов: крестьяне платили подати, вотчинники и помещики несли службу. Это «служилые люди». Они, кроме отправления гражданских обязанностей, которые могут быть на них возложены, составляют войско государя. Оно расквартировывалось в мирное время на тех же землях и подлежало немедленной мобилизации в случае войны. Служба начиналась с 15 лет. С этого возраста сын помещика получал часть отцовского имения, а если у отца семья велика, то новый надел. Со смертью помещика имение его разделялось между сыновьями. Дочери получали пожизненно известную часть и лишались ее при выходе замуж. В случае недостаточности применялась раздача добавочных участков. Разрешался обмен поместий, но с условием, что государство не страдает от этого: оно не желало терять ни одного человека. В раздел *вотчин* между наследниками государство формально не вмешивалось, но наблюдало, чтобы каждая доля досталась человеку послушному, которым оно могло бы вполне располагать.

Систему эту, очевидно, легче было применять к *помещикам*. Хозяин имущества, великий князь, крепко держит в своих руках помещиков. Политика Москвы неизменно стремилась к тому, чтобы заменить вотчины поместьями, наследственные владения обратить в пожизненные.

На землях, присоединенных к государству силою оружия, эта замена была более легкой и совершилась быстрее. Военный закон способствует этому, разрешая массовые конфискации земель и раздачу их. 20 лет спустя после присоединения Новгорода документы, помеченные 1500 годом, указывают нам, что в двух уездах – Ладожском и Орешковском – было 106 помещиков, владевших здесь половиной всей пахотной земли. Они были большею частью низкого происхождения – ремесленники, слуги. Но они тем более послушны. Юридическим предком обыкновенного типа земледельческого собственника шестнадцатого века в этой местности был княжеский псарь, награжденный землею еще в XIV столетии. Послушание было у него в крови.

С другой стороны, там, где дело объединения совершалось мирным путем, вотчинники преобладают. Они менее податливы, и на них-то будет направлен свирепый натиск, которыми Грозный заслужил свою кровавую славу.

Восторжествовавший после кризиса поместный порядок заключал другое неудобство: вследствие недостатка наделов создался настоящий земледельческий пролетариат. Один из помещиков, призванный в армию, жалуется, что не имеет средств приобрести себе лошадь. Другой – в ожидании надела исполняет обязанности дьячка и не имеет на что приобрести самое необходимое даже для службы в пехоте. Но они оба идут в счет, и государь имеет армию, которая ему ничего не стоит.

Ему нужна и администрация. Расходы по содержанию администрации ложились на управляемых. Управлять в то время значило выполнять судебные и полицейские обязанности – и этим питаться. Такая система была введена везде. На большинстве вотчинных земель в силу старинных привилегий, а на других в силу особых грамот, собственники – военные и даже духовные лица – пользовались правом суда и получали в свою пользу доход с тяжб, оплачивавшихся разного рода пошлинами. В их же распоряжении поступали и те штрафы, какие должны были уплатить в пользу судьи лица, осужденные за уголовные преступления, или же общины, если виновник не разыскивался. На землях, не пользовавшихся судебной привилегией, эти доходы делились между чиновниками, непосредственными агентами правительства, и «служилыми людьми» – наместниками, волостелями, которым правительство передает свои права и доходы. Управлять городом или областью значило жить на их счет, взимая судебные издержки. Это называлось *кормлением;* большею частью кормленщики и были правителями. Позднее, когда развитие экономической жизни потребует настоящих административных агентов, никто и не думает искать их между прежними кормленщиками. Новые потребности создадут новые органы, старые же пока останутся на своих местах только лишь для того, чтобы кормиться.

Отлично согласуемое с земельным правом вотчинников, являясь скорее пожалованием, чем судебной обязанностью, *кормление* относилось скорее к частному, чем к публичному праву. Добиваться его могла вдова какого-нибудь боярина или, за ее отсутствием, наследники, вся семья умершего должностного лица. Кроме того, рядом с наместником, жившим на счет области, был волостель. Но он не зависел и не подчинялся наместнику, а был скорее конкурентом его в своем судебном округе. Волостелям, каждому в отдельности, подлежали определенные разряды дел и лиц. Один, например, производил суд на *черных* землях, его сосед только на *белых.*

Легко представить, какие злоупотребления вызывала эта система. Формально судебные издержки были строго определены и доходы были ограничены некоторыми пределами. Но были еще побочные доходы, неизбежные подношения за некоторые темные сделки. При организации, лишенной действительного контроля, это было настоящей язвой всего строя.

Никакого правила еще не существовало для набора лиц администрации. Государь был совершенно свободен в выборе, но на практике он встречался с затруднением найти подходящих людей вне известного общественного круга. Политика Москвы стремилась расширить рамки и ввести в них новые элементы из всех слоев общества, до самых низов его. Но эти демократические стремления парализовались недостатком умственного развития. Хорошо выдрессированных псарей, которые могли бы прилично фигурировать в роли наместника, было очень мало. Таким образом социальный элемент, принцип наследственности и аристократический дух сочетались здесь с элементом политическим и принципом кооптации. В результатах этого получилось явление, подобия которого мы не находим ни в одном западноевропейском государстве. Это *местничество,* самое название которого почти не известно за пределами России. Я постараюсь объяснить его.

III. Местничество

Теоретически это право не было закреплено никаким законом, применялось в силу привычки и обычая. Заключалось оно в том, что каждый *служилый,* назначенный нести службу с другим, соглашался знать *место* не ниже того, какое он или кто-нибудь из его предков занимал по отношению к сослуживцу или его предкам. Например, двум субъектам поручено командование частями одного и того же полка. Оба они сыновья бояр. Но дед одного из них, будучи воеводой, имел под своей командой отца или деда другого. Внук воеводы имеет право отказаться от службы с данным ему товарищем – это и есть *местничество.*

Ничто не помешало бы князю назначить его конюхом, да и сам бы он не стал противиться, если бы только, убирая конюшню от навоза, ему не пришлось встретиться в той же конюшне за такими же занятиями другого конюха, отец которого был только поваренком, тогда как его – поваром. Но ничто не заставило бы его стать воеводой наряду с сыном поваренка.

Представьте теперь, что расчеты первенства идут по восходящей линии, по всем ее степеням и ветвям; вы можете вообразить, какие сложные случаи могли встречаться и сколько они вызывали споров. Политическая жизнь Московского государства полна ими, и всемогущество главы государства встречало в *местничестве* серьезное противодействие.

Погодин искал происхождение местничества в отношениях между удельными князьями. Теория эта имеет очень мало сторонников. В первых известных нам местнических спорах, совпадающих с появлением первых *родословных книг,* с очевидной ясностью выступает более общее родовое начало.

В своих собственных интересах московское правительство уважало и способствовало развитию этого принципа, служившего династическим основанием. Оно старалось соединить его с противоположной ему системой служебной иерархии и в результате создало *местничество.* Правительство сначала торжествовало. Возникая всегда из-за мест, раздававшихся государем, споры разрушали начала корпоративного единства. Они исключали понятие чистой аристократии и укрепляли идею *службы.* Впрочем, споры сначала заключались в тесном кругу частных отношений и ограничивались пустяками. Бояре спорили из-за места за столом у своего общего друга. Жены высших чиновников ссорились из-за места в церкви. Духовенство также считалось *местами:* епископ отказывался есть с одного блюда с менее знатным духовным лицом. Во время крестных ходов монахи ссорились из того, кому какое место занимать в процессии. Купцы следовали общему примеру, и великий драматург Островский отметил уже в наше время пережитки укрепившихся таким образом обычаев среди этого класса населения.

Но пришло время, когда в день сражения два предводителя затеяли местнический спор в виду неприятеля. Это было в Орше в 1514 г., и битва была проиграна.

Тогда уж нужно было принять меры. Начали запрещать в некоторых случаях споры из-за мест, например, во время войны, и виновных в неправильных домогательствах подвергали суровым наказаниям. Но уничтожить самый порядок, хотя и не установленный писанными законами, но тем ожесточеннее защищаемый, правительство не решалось. Аристократия употребляла все средства на сохранение его. Она выпустила последние заряды и потеряла последнее свое достоинство и гордость. Пока она занималась своей родовой арифметикой, власть ускользнула из ее рук. Действительно, аристократия долго занимала первые места, так как государству некем было заменить ее. Но когда нашлись другие кандидаты, *местничество* было уже бессильным помешать делу демократической нивелировки. Число мест, раздававшихся государем по его усмотрению, увеличивалось, и их занимали новые кандидаты. Таким образом подрывался в корне принцип сословности и корпоративности родо-

вой знати. Правительство вместо нее создавало себе другую коллективную организацию, более послушную, более гибкую и без которой Россия 16–18 века не была бы, быть может, в состоянии выполнить свою гигантскую задачу; но это не был класс, а просто какая-то армия чиновников из разнородных элементов, не связанных никакими общими интересами.

Противопоставляя знатности происхождения личные заслуги, новая система выдвинула плодотворный принцип – принцип индивидуальных качеств. Таким образом было бы ошибочно полагать, как это делает Валуев и другие историки, что местничество есть только лишь образец китайской косности. Сама по себе система не была неподвижной, застывшей в определенной форме. Она изменялась и развивалась с течением времени. Она выдержала и сама производила разного рода давления. Своим пассивным сопротивлением местничество могло бы создать для абсолютизма серьезные затруднения, но оно не сумело противопоставить ему никакой социальной или политической силы, которая, парализуя его действия, могла бы заступить его место, направить в желательную сторону и подчинить своему контролю.

Другая сила была, по крайней мере в зародыше, в общинной организации, о которой я уже упоминал.

IV. Община

Исследования барона Гакстгаузена о русской земельной общине в ее настоящем виде, с самоуправлением и коллективной собственностью, появились в 1847 г. и были даже для самой России неожиданным и приятным открытием. Казалось, был открыт новый мир, подтверждавший оригинальность и превосходство первобытного устройства, которым страна могла гордиться перед лицом удивленной Европы. Но позднейшие исследования разрушили создавшуюся таким образом иллюзию. Они показали, что подобные учреждения существовали еще раньше во всех европейских и вне европейских странах от Ирландии до Явы и от Египта до Индии. В Европе различие между Россией и ее западными соседями свелось к вопросу возраста и цивилизации.

Но исследования и разочарования на этом не остановились. Думали сначала, что русская община, сходная с другими формами первобытного устройства, уцелела здесь в своем примитивном виде, благодаря медленному развитию социально-экономической жизни. Оказалось же, что она более позднего происхождения, вела свое начало не от доисторического патриархального коммунизма, а явилась результатом круговой поруки, чуждой свободным крестьянам до шестнадцатого века, и навязанной потом сельским общинам крепостным правом для правильного поступления от них налогов. Это был продукт политического режима, который восторжествовал на Руси в эпоху Ивана Грозного. Является ли русская община проявлением национального духа? Вовсе нет. Это создание государственного порядка.

Таким образом, согласно взгляду Чичерина[7] и Милюкова[8] мы имеем здесь поразительный пример обратного хода истории! Пример этот в некотором отношении представляет особенность экономического и социального развития страны.

Но хорошо ли выбран пример?

В первой половине шестнадцатого века, как мы видели, крепостная зависимость встречалась на Руси только в виде исключения. Однако там встречаются общины, объединяющие свободных крестьян. Каждый крестьянин даже должен был принадлежать к какой-нибудь из этих общин. Вне их находились только бродяги. Эти общины представляют собой самоуправляющиеся единицы, основанные на демократических и коммунистических началах.

[7] Опыты по истории русского права, 1858, стр. 4 и след.

[8] Очерки по истории русской культуры, I, 136 и дальше.

Собрание, где обсуждаются общие дела, состоит из представителей всех домов, старших членов семейств. Несколько общин составляли *волость.* Волость того времени нисколько не походила на то учреждение, которое теперь носит это имя. Занимая среднее место между кантоном и коммуной во Франции, приближаясь к американскому township, древняя волость обладала большей компетенцией.

Волостной сход имел право издавать обязательные для своих членов постановления, выбирал голов и общинных старост. Он распределял прямые подати, наложенные правительством на землю и промыслы, избирал лиц, которые должны были присутствовать на суде и играть там роль средневековых немецких Sch(ften или древнешведских Nemd; наконец, через свободно избираемых должностных лиц выполняет полицейские обязанности и защищает пред правительством общинные интересы.

Таково положение вещей можно восстановить по следам сохранившихся на принадлежавших свободным крестьянам черных землях.

Нельзя сказать, существовал ли он на других землях, где осуществляли свою власть кормленщики. С другой стороны, удалось установить, что на тех же землях в XV и XVI веке существовала в зачаточной форме коллективная собственность или такого же рода владение.

В памятниках той эпохи встречаются упоминания о *соседях, складниках* (от *складать*) и *сябрах,* в которых нетрудно угадать крестьян, соединившихся для обработки определенного участка земли. Истолковывая иначе названия и образ жизни этих землевладельцев, соединенных будто бы только общностью повинностей, Сергеевич[9] допускает другие формы общинного землевладения. На землях высшего духовенства и монастырей, история которых нам более известна, пользование некоторыми участками было общим для их держателей.

Надел каждой семьи, *выть* или соха (соотв. английск. virgate), не представлял собой определенного, установленной меры участка; это скорее было право занимать и обрабатывать несколько, например, 5, десятин в каждом из трех полей. В одном из владений Троицкого монастыря[10] встречается, как единственное исключение, общая обработка участков, которыми наделены крестьяне.

Наконец, на землях, конфискованных дедом Ивана Грозного после присоединения Новгорода, т. е. на землях, отнятых у бояр и переданных оброчным крестьянам, замечается зарождение и даже некоторое развитие общинного пользования лугами, озерами, лесами. Но все это было явлением местным, рудиментарным и совершенно новым и далеким от полной и общей формы коллективизма современного русского *мира,* с периодическими переделами, схожего с run-rig в Англии или Ирландии. *Мир* тогда находился только лишь в зачаточном состоянии; происхождение и характер развития этого зародыша не может быть указан с точностью и до настоящего времени.

Развитие его началось в XV веке и продолжалось в XVI. В это время русская община не была остатком патриархальной организации первых времен, разрушенной нормандским завоеванием или даже гораздо раньше, как полагают некоторые историки, благодаря смешению славянской расы с чуждым ей финским элементом. Но были ли финны в древней южной Руси – это неизвестно. Является ли эта реставрированная община возрождением древнего коммунального строя, обусловленным постоянством некоторых социальных привычек, или же она представляет совершенно новый продукт самостоятельного процесса, в котором славянофилы видят выражение особой склонности русского национального характера к жизни обществом, ассоциацией – это темные вопросы, и требования национального самолюбия едва ли могут внести в них ясность. Упомянутая склонность не может быть отрицаема. О ней свидетельствуют *артели.* Но в Германии и в особенно-

[9] Русск. юрид. древности, 1903, III, стр. 61 и след., 119 и дальше.

[10] Сергеевич, ibid., стр. 440.

сти в Англии социальный дух проявил бесконечно больше энергии в среде общинных группировок, сопротивления которых не могла преодолеть даже современная централизация. Я склонен полагать, что здесь смешиваются два начала – исторический атавизм и природные наклонности, сочетающиеся в жизни населения, долго находившегося в неорганизованном состоянии. На пороге новой эпохи они сообщают особую форму этому рудиментарному общественному организму. Русская община XV века не имела ничего *родового.* Она открыта для каждого. Всякий крестьянин может войти в нее, приняв на себя часть общих повинностей. Русская община представляет чистый тип общины *договорного* характера и этим отличается от старинных форм, сохранившихся в своем первоначальном виде среди других славянских племен. Но некоторая административная автономия приближает ее к этому прототипу. Однако характер и пределы этой автономии служат еще предметом спора. Принимала ли община XV века участие в судопроизводстве и в какой мере? Вопрос остается открытым. Но тем не менее известно, что судебная организация того времени, когда применялась указанная выше мной система кормления, не оставляла места другой какой бы то ни было подобной себе власти. Владение принадлежало *«служилым людям».* Охота запрещена. Подсудное население на самом деле было дичью.

Но в следующем веке картина меняется. Общинная автономия быстро расширяется. Она стремится захватить всю область местного управления со всеми ее правами. Что же случилось? Оказалось, что служилые люди стояли не на высоте своей задачи. Эксплуатируя области, они их разорили. Своей бездеятельностью и беспорядочностью они не только принесли тяжелый ущерб частным интересам, о которых само государство не заботилось, но и испортили то, что лежало на их попечении: они уничтожили или истощили источники государственных доходов. Тогда, колеблясь еще между двумя полюсами собственного развивающегося политического строя – между абсолютизмом и либеральным течением, – правительство решило уничтожить установленные им самим привилегии, которые не оправдали его ожиданий. Оно передает другим те обязанности, которые, к его сожалению, были так неудачно доверены, и обращается к тем самым элементам общинного устройства, которые долго были в пренебрежении и даже подвергались нападкам. Грамоты, раздаваемые все охотнее, облекают старост и присяжных властью, которая сначала ограничивает, а потом и совсем вытесняет власть государевых наместников и волостелей. Но государство не отступает ради этого от своей основной программы. Оно не вполне отказывается от своего деспотизма. Оно ищет компромисса между этим принципом и духом учреждений, вызванных к новой роли. И оно его находит – дает власть и отнимает этим независимость. Выборные лица, полномочия которых расширены, все же будут еще чиновниками, его людьми, а община, выросшая, возвысившаяся, будет государственным учреждением. Мы проследим эту фазу до следующей ступени развития, когда, под влиянием крепостного права, община примет еще новую форму: это уже будет самоуправление каторги, коллективизм цепи, сковывающий людей попарно.

Чтобы понять эти постепенные превращения, необходимо изучить ближе, хотя бы в общих чертах, действие отдельных колес машины, испытавшей на себе влияние противодействий.

V. Организация суда и законодательство

До половины XVI века на отправление судебных обязанностей смотрели как на пожалование, на доходную статью. Фискальные агенты и уполномоченные правительства на землях *черных,* владельцы на землях *белых* кормятся и кормят других из этого источника. Судебные приговоры являются предлогом для взыскания установленных пошлин. Преследование преступлений есть главным образом финансовая операция. Если же ведение некоторых слу-

чаев преступлений – убийства, разбой – сохранилось за государством, то причиной является доходность этих дел, они приносят больше выгоды, и правительство сохраняет себе лучшие куски.

Со времени «Русской Правды», первая редакция которой относится к 955 или 962 г., законодательство оставалось неподвижным. В «Судебнике» 1497 г. уголовные законы занимают первое место. В вопросах гражданского права законодатель ссылается большею частью на обычаи. Он едва касается отношений семейственных и договорных; другие же юридические отношения совершенно обходит молчанием. Что касается политических прав, то он говорит о них очень мало или почти ничего. Государство проявляет заботу о простом народе. Но опека его ограничивается запрещением лишать человека свободы без согласия государя. Законодатель занимался особенно организацией судебных функций. Организация же эта для него сводится к расчету и распределению судебных пошлин и штрафов. Судебник 1497 года представляет собой не что иное, как уголовный устав, устав и приходную книгу.

В изобилии и строгости наказаний за уголовные преступления ясно чувствуется влияние татар, так как Русская Правда была значительно мягче. Она была либеральна в некотором отношении и представляла во многих случаях виновному право выкупа. Новый устав не знает этой привилегии. Выражения *«бити кнуты», «бити батоги»* встречаются чуть ли не в каждом параграфе. В применении наказаний и во всем законодательстве проведена идея равенства, соответствующая демократическим тенденциям, но над нею господствует противоположный принцип обычного права, с византийским отпечатком, наложенным на него церковью. Судебная практика пользовалась также источниками греческого гражданского законодательства: законами Константина Великого, Юстиниана, Льва Философа, эклогами Льва Исавра и Константина Копронима. Хотя суды были одни и те же как для крестьянина, так и для всех других, однако крестьянина вешали, а боярина за такое же преступление только заключали в тюрьму или секли. Обвиняемого обыкновенно подвергали пытке, чтобы получить признание в преступлении. Жгли медленным огнем, ломали ребра, вонзали в тело гвозди. Это было в шестнадцатом веке.

Но до XVII века, отставая от Европы, это самое законодательство удержало применение судебного поединка, также заимствованного из обычая. В Новгороде допускался поединок даже между женщинами, обвинявшими в чем-либо друг друга; в Пскове же этот обычай принял более утонченную форму, и женщины, наравне со стариками, слабыми и монахами, могли выставлять вместо себя заместителей. В этом же смысле и судебник Ивана IV занимался уравнением сил спорящих. Но в это время судебный поединок изменил уже свой характер. Долго он был здесь чисто житейским средством, ему не придавали большего значения и ставили на третье место в ряде доказательств правоты. В знак недоверия и осуждения поединка к нему прибавляли в качестве вспомогательного средства присягу и вынутие жребия. Прежде чем вступить в сражение, приносили присягу. Присяга же давалась по жребию. Идея божеского вмешательства существовала здесь в скрытом виде.

Теперь она выдвинулась на первое место. Поединок стал Божьим судом.

В этом захотят увидеть новый пример движения назад по пути прогресса, но пусть вспомнят, что, хотя ордалия и была запрещена во Франции в 829 году эдиктом Людовика Кроткого, парламенту пришлось возобновить запрещение в 1400 году. Ордалия опиралась главным образом на идею небесного вмешательства, которая на Руси только позднее присоединилась к принципу простой борьбы – наследия минувшего варварства, когда каждый защищал сам себя и решения всех споров зависели от личной силы противников. Вот почему церковь не поддерживала применения поединка, как это она делала с другими формами суда Божия. Напротив, она боролась с этим обычаем и старалась придать ему религиозную окраску. Она способствовала также выделению из него второстепенных моментов – при-

сяги и жребия. В конце концов они сделались самостоятельными средствами доказательства правоты. В церковных делах жребий и присяга скоро вошли во всеобщее употребление. Приговор вынимали, как лотерейный билет. В общих гражданских судах также прибегали к этим средствам до конца XVI века. Английский коммерческий агент Генри Лен оставил любопытную заметку по поводу одного процесса, в котором он был заинтересованным лицом в 1560 году.

Дело шло о 600 руб., которые требовал с Лена один костромской купец. Спор должен был решиться поединком. Лен подыскал для себя сильного бойца, своего соотечественника, также состоявшего на службе у английской торговой фирмы, основанной в России. Второй англичанин назывался Романом Бестом. Он был родоначальником знатного русского рода Бестужевых. Но костромич отвел опасного для него противника. Тогда прибегли к жребию. В присутствии двух важных чиновников, игравших роль посредников, и многочисленного собрания обеим сторонам было предложено помириться. Никто не отказался от своих претензий. Тогда судьи засучили рукава, скатали из воска два шарика. Один из судей позвал из толпы присутствующих зрителей: «Эй ты, в такой-то одежде и шапке, подойди сюда!» Человек подошел и протянул свою шапку, куда были опущены оба шарика. Выбранный таким же способом другой человек вынул их из шапки один за другим. Вынутый первым был выигрывающим. Англичанин оказался прав. Собрание разразилось восторженными криками, убедившись таким способом в правоте его дела и в честности английских купцов вообще.

Легко понять причину того, что государство не верило этого рода доказательствам в тех делах, в которых оно само было заинтересовано. Оно изобрело другие, из которых *повальный обыск,* род свидетельской анкеты, был в большом употреблении, особенно при Иване Грозном. Считалось неопровержимым положением: глас народа – глас Божий, и поэтому требовалось большое количество показаний. Лжесвидетели строго наказывались, их били беспощадно кнутом. Но для дел частных лиц этот способ не применялся. Что же касается письменных доказательств, то они появляются только лишь в конце XVI века.

Приведение в исполнение приговора по гражданским делам имело странную форму. Несостоятельный должник выдавался кредитору *головою.* Это значило, что он становился вещью, рабом последнего до уплаты ему долга. Самостоятельный, но отказывавшийся платить, подвергался *правежу.* Он заключался в том, что упорствующего приводили к месту суда и заставляли бить его по ногам с утра до вечера. Суровость и сила наказания были различны и зависели от подарков, которые предлагали обе стороны палачам. Поэтому некоторые возвращались с *правежа* без особого вреда, других же увечили. Продолжительность правежа, сначала неопределенная, была установлена между 1555 и 1628 г. в один месяц для суммы в 100 рублей. По истечении этого срока дебитор выдавался *головой* кредитору. Знатные люди пользовались привилегией избавиться от правежа. Они или выставляли вместо себя кого-нибудь другого, или же и вовсе не являлись.

Чрезвычайная продажность судей служила серьезным препятствием для осуществления судебного равенства. Ко взяточничеству тогда относились с большой терпимостью, хотя формально взятки были строго воспрещены. Но обычай требовал, чтобы являвшиеся на суд клали перед образами пожертвования «на свечи». К Пасхе же все должностные лица имели право принимать «красные яички», обыкновенно с несколькими монетами в придачу. Василий, отец Ивана Грозного, узнал, что один судья, получив от одной из тяжущихся сторон больше денег, а от другой меньше, решил дело в пользу первой, более щедрой. На допросе судья сознался и в оправдание себе сказал: «Я больше верю богатому, чем бедному, у него меньше интереса обманывать меня». Василий улыбнулся и помиловал его.

Будем же и мы в свою очередь снисходительны к обществу, где борьба за существование была доведена до крайности в среде всех классов, благодаря условиям того времени.

Постараемся ознакомиться с тем экономическим строем, в котором возник и существовал правеж.

VI. Экономический строй

За исключением уже указанных торговых и промышленных центров, Россия шестнадцатого века была, как и теперь, страной земледелия. Но обработка земли оставалась в первой фазе развития и совершалась примитивными способами. Более продуктивными с этой точки зрения областями считались к северу от Москвы Ярославская земля, а к югу-востоку – берега Оки от Рязани до Нижнего Новгорода. Если верить Герберштейну, земли по берегам Оки давали урожай от сам-двадцать до сам-тридцать. Кроме того, берега Северной Двины, утучняемые весенними разливами, представляли очень плодородные земли, несмотря на суровость климата. Однако пшеницы сеяли мало. Распространенными хлебами были рожь, овес, гречиха. Они служили главным образом для внутреннего потребления. Некоторая же часть направлялась на Запад через Нарвский порт, а позже через Архангельск и сухим путем через Польшу. Но торговля эта не могла быть обширной. У Европы тогда не было современных потребностей. Правительство парализовало эту отрасль, монополизировав ее, как и другие. Наконец, вывоз хлеба в большом количестве считался вредным, могущим разорить страну. С другой стороны, цены были очень непостоянны. В зависимости от урожая, удаленности места производства, от войн и других кризисов, постигавших страну, они то возрастали, то уменьшались раз в десять. Этим затруднялся сбыт русского зерна на рынке Запада. Но цены обыкновенно были очень низкие.

Я здесь должен сделать отступление, чтобы объяснить русскую денежную систему. Единицей, как и теперь, был *рубль* (от *рубить),* содержащий в себе 100 копеек. Он номинально равнялся по весу 16 золотникам серебра, т. е. содержал благородного металла в семь раз больше, чем теперь, и английскими купцами считался равным 16 шиллингам и 8 пенсам. Но уже с начала XVI века цена рубля стала постепенно падать, благодаря московской политике. Тогда уже было положено начало системы, следствия которой мы видели теперь, когда цена той же единицы стала равной 2 шиллингам и нескольким пенсам. Копейки первоначально назывались *деньгами* (от татарского *динг* – серебро). Современное название было принято только в XVI веке, когда на этой мелкой монете появилось изображение воина, вооруженного копьем. Еще при отце Ивана Грозного рубль считали равным 250 деньгам, а во время малолетства Ивана под давлением финансовых нужд – даже 300. Рубли тогда были двух видов – новгородские и московские. Первые сохранили свой старинный вес и стоили в два раза дороже московских. Отсюда происходило большое затруднение при определении действительных цен предметов потребления того времени.

Мелкими монетами были серебряные: *алтыны* (от татарского слова *алт* – шесть) – монета в 6 копеек, *гривны* (20 коп.), *полтины* или пол-рубля, медные *полуденьги* или *пули, полушки* (пол-копейки). Серебряная *деньга,* монета неправильной, слегка овальной формы, была заимствована у татар, как и ее имя. Величина ее была очень незначительна, и она легко терялась. Купцы, производя свои расчеты, обыкновенно набирали их в рот до пятидесяти штук. По свидетельству иностранных путешественников – Герберштейна и Флетчера, летописей того времени, и согласно вычислениям Рожкова, цена четверти (четверть по весу тогда была в два раза меньше современной) ржи в начале XVI века изменялась от 10 до 69 коп. Цены других продуктов подвергались таким же колебаниям. Отношение средних цен того времени к современным ценам на одни и те же продукты равняется 93,9. Следовательно, покупная сила рубля в то время была почти в 94 раза больше, чем теперь, и, следовательно, он стоил почти в 94 раза больше, чем современный рубль. Но к концу XVI века это отношение падает до 20–24 и не может быть установлено с точностью.

Цена на труд зависела от цены на хлеб. И мы встречаем такие факты: в 1598 г. крестьяне берут подряд срубить лес, обтесать и доставить его на место для постройки моста за полторы деньги. *Обжа,* т. е. пространство земли, которое один человек мог обработать с помощью одной лошади, продавалась в 1573 г. за 8–10 рублей. Дом стоил 3 рубля. За 4 рубля и 16 алтын можно было купить 4 коровы и 20 штук овец, лошадь – за 3 рубля. В обработке земли применялась трехпольная система: рожь, овес и пар. Владея обжей, крестьянин сеял от 21/2 до 31/2 четвертей ржи и столько же овса. При хорошем урожае он получал дохода до 3 рублей в год. На эти средства он должен был прокормиться и одеться. Одежда ему стоила полтина, не считая пояса и рукавиц, необходимых в большие холода. Он должен был платить налоги от 75 коп. до рубля, согласно исчислению установленному на 1565 год.

Это относится к *черным* землям, населенным свободными крестьянами. На *белых* землях ссуды, выдававшиеся владельцами крестьянам на расходы по первому обзаведению хозяйством, помощь во время голода или падежа скота, делали условия для земледельцев более сносными, но это лишало их свободы. На общинных землях при поселении крестьяне обыкновенно освобождались от уплаты налогов на срок от 4 до 8 лет, но ни на что другое они рассчитывать больше не могли. Монастырские владения слыли раем, и я уже указал почему. Однако если монахи, сами не очень обремененные, могли быть также и менее требовательны, слово *страда* (от страдать), применяемое обыкновенно к работе на этих собственников, показывает, что это за рай был.

Я уже указывал на причину, затруднявшую развитие промышленности. Знаменитый «Домострой», составленный попом Сильвестром в царствование Ивана Грозного, дает любопытное освещение этого вопроса. Промышленная деятельность по «Домострою» носит характер патриархальный. Под крышей боярина того времени мы видим целую группу мастерских, снабжающих дом всеми необходимыми предметами внутреннего потребления. Для развития самостоятельного мастерства не было места.

Плотничье и столярное ремесло, судостроение, выделка мелкой домашней утвари и разных других предметов из дерева – занятие так сильно развившееся в наше время в особой, так называемой *кустарной,* промышленности, было однако известно и распространено в стране с древних времен. В Козмодемьяновске, близ Нижнего Новгорода, возникло известное производство сундуков. Холмогоры славились изделиями из красной и тюленей кожи. Вяземские сани и калужские деревянные ложки пользовались большой известностью. Но все это были предметы малоценные. Холмогорские сундуки служили для перевозки товаров, направлявшихся в Москву, и затем продавались по дешевой цене. Сотня калужских ложек стоила 20 алтын, а вяземские сани продавались за полтину.

Торговля, сравнительно более развитая, не имела для себя достаточно пищи. Предметы вывоза ограничивались почти исключительно сырьем и едва обработанными материалами. Первое место занимали меха: их продавали в Европу и Азию почти на 500 000 рублей в год. Лучшие соболи шли из Обдорской земли (теперешняя Тобольская губ.), меха белых медведей – с берегов Печоры, бобры – с Кольского полуострова. Красивый мех соболя стоил до 30 золотых флоринов. Опушка боярской шапки из чернобурой лисицы стоила 15. Но горностаевые шкурки были тогда дешевы: по 3–4 деньги за штуку. Воск занимал второе место среди предметов внешней торговли. Его вывозили до 50 000 пудов в год. Затем шло сало из земель Смоленской, Ярославской, Угличской, Новгородской, Вологодской и Тверской. Производилось его громадное количество от 30 до 40 тысяч пудов в год. Внутреннее потребление этого продукта было довольно незначительно, потому что богатые пользовались для освещения восковыми свечами, а простой народ – лучиной из смолистого дерева. Мед, в изобилии доставлявшийся землями Рязанской и Муромской, позже Казанской, служил главным образом для приготовления любимого национального напитка. Но все-таки часть его шла и за границу. Псков и Новгород вывозили его до 10 000 пудов ежегодно.

Лосиные кожи, которые хвалит Флетчер, покупались также иностранцами. Самые крупные лоси водились в лесах близ Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми. Быки, слишком мелкие, были малоценным товаром. Окрестности Архангельска доставляли для внешнего потребления тюлений жир. Рыбные промыслы, устроенные в Ярославле, на Белоозере, в Нижнем Новгороде, в Астрахани после ее завоевания, – доставляли в изобилии рыбу и икру. Уже тогда эти продукты охотно закупались голландскими, французскими и английскими купцами и шли даже в Италию и Испанию. Матвей Меховский в своем трактате о Сарматах, появившимся в 1521 году, говорит о ловле китов на Белом море. Однако было бы ошибочно думать, что эта отрасль промышленности достигла тогда значительных размеров. Даже гораздо позже попытки развить ее не увенчались успехом. Дело, вероятно, ограничилось, как предполагает Замысловский, использованием нескольких китов, выброшенных морем. Некоторые виды птиц служили предметом постоянного спроса на заграничные рынки. Псковский лен и конопля из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы находили сбыт за границей, равно как и соль, добывавшаяся в Старой Руссе, а также деготь из Смоленска и Двинска.

Персия покупала моржовые клыки для промышленных целей, а также для изготовления известного тогда противоядия.

Добывавшаяся в большом количестве на берегах Двины и в Карелии слюда заменяла стекло в стране и вывозилась наравне с другими минеральными продуктами: селитрой, приготовлявшейся в Угличе, Ярославле и Устюге, серой из самарских озер, железом из рудников Карелии и окрестностей Каргополя и Устгожны. Приготовлявшиеся большею частью для внутреннего потребления некоторые предметы находили и внешний сбыт, у татар. Они покупали седла, уздечки, полотна, сукна, одежу и взамен присылали азиатских лошадей. Европейские купцы привозили серебро в слитках, золото для шитья, медь, сукна, зеркала, кружева, ножи, иголки, кошельки, вина и фрукты. Азиатские же купцы продавали шелковые материи, парчу, ковры, жемчуга и драгоценные камни. Как те, так и другие должны были сначала везти свои товары в Москву, где государь выбирал, что ему нужно, а остальное уже разрешал продавать кому угодно. Дочь Петра Великого еще пользовалась этой привилегией по отношению к торговцам модными французскими товарами.

Купцы съезжались при слиянии Мологи и Волги. Там некогда возник маленький город – *Холопий городок,* от которого осталась только церковь. По преданию, он был основан новгородскими невольниками, убежавшими сюда от гнева своих господ, тяжело ими оскорбленных во время отсутствия, показавшегося слишком долгим для добродетели их жен, остававшихся дома. В этом городке собиралась знаменитейшая в то время на Руси ярмарка. Она продолжалась 4 месяца. В обширном лимане Мологи скоплялось столько судов, что можно было по ним перейти с одного берега на другой. Немецкие, польские, литовские, греческие, итальянские, персидские купцы толпились на берегу, размещая свои товары на обширном лугу, окруженном временными постоялыми дворами и кабаками. Их насчитывали здесь иногда до семидесяти. Обмен был настолько значителен, что государю поступало ежегодно до 180 пудов серебра. Однако обмен совершался почти исключительно натурой, без употребления денег. Деньги – вообще в то время очень редкая вещь – скоплялись в руках не менее редких капиталистов и главным образом в руках князя.

Только ярмарка в Лампожне, о которой я уже упоминал, могла равняться с рынком Холопьего городка по оживленности и обороту по торговле мехами с самоедами. За железный топор эти дикари давали столько собольих шкурок, сколько их можно было связанными вместе протянуть через отверстие, куда вставляется ручка топора.

Литовские купцы собирались еще на берегу Днепра, близь монастыря св. Троицы, в Смоленской земле. Торговля с иностранцами оказывалась в общем итоге убыточной для русских, так как местные продукты шли по очень низкой цене, а иностранные напротив

покупались по очень высокой. Аршин бархата, атласу стоил рубль. Кусок тонкого английского сукна – 30 рублей, бочка французского вина – 4 рубля. Золотая монета служила также предметом ввоза и облагалась пошлинами, как и все другие товары. Своя чеканка не удовлетворяла потребностям страны. Ловкие и предприимчивые русские купцы того времени пользовались дурной репутацией. Иностранцы отмечают их лукавство и недобросовестность.

Исключение составляют псковские и новгородские купцы, но и они уже не пользуются былой славой честных дельцов. Местная поговорка «показывать товар лицом» получила очень широкое применение, точно так же как и привычка запрашивать за вещи чуть ли не в десять раз больше против их действительной стоимости, если покупатель был богат или наивен. Оптовые торговцы часто брали с собой опытных людей, но последние обыкновенно старались появиться с обеих сторон. Иностранцы замечали, что чем больше божится купец, тем больше шансов быть обворованным им. Обмануть качеством и мерой товара, продать подделку, подменить при покупке один предмет другим было обычным делом в русской торговой практике того времени.

Иностранные коммерсанты пользовались большими успехами. С XV века некоторые английские, фламандские, голландские торговые дома, основавшиеся в России для ввоза и вывоза, приобрели некоторые привилегии и пользовались ими до тех пор, когда возникла настоящая монополия английских купцов. Это объясняется до некоторой степени вкоренившимися в русской торговле пороками, хотя нельзя сказать, чтобы и иностранцы были вполне свободны от них. Герберштейн сознается, что нередко продавались ими те предметы, которые стоили 1–2 червонца, за 12.

Русские были невежественны и подвергалась так же часто обману, как и сами являлись обманщиками; эксплуатируемые, но, защищаемые государством, они смотрели на торговлю как на войну, где всякие средства законны и даже необходимы. Иностранцы, считавшие их поступки нечестными, сами им подражали. Налоги, взваленные на промышленность жадностью правительства, и разные препятствия, создаваемые его неуменьем, все увеличивались. Государство было поделено на небольшие торговые области, простиравшиеся на 10–20 верст от какого-нибудь центра-города или деревни. В каждой из таких областей торговля должна была происходить в центральном пункте, чтобы легче было собирать пошлины. Бесчисленные высокие пошлины увеличивались еще системой внутренних преград, дававшей простор злоупотреблениям и вымогательствам. Прежде чем достигнуть рынка, товар должен был пройти ряд фискальных преград: дорожные заставы, таможни при въезде в каждый город и при переправе через реки. Кроме того, если город стоял на берегу реки, нужно было платить пошлины при нагрузке и разгрузке товаров. Если на городской площади был *истинный двор,* купец должен был останавливаться там и платить за въезд и за выезд. Платили при помещении товаров в склады, и за каждый проданный оттуда предмет. Если продавалась лошадь, то уплачивали пошлину за тавро и за запись, если пуд соли – пошлину за вес.

Представьте, что крестьянин прибыл на рынок с произведениями своего убогого хозяйства. Чтобы выручить 1 рубль, ему нужно продать лошадь или две коровы, или 20 штук гусей, или 10 штук овец, или несколько десятков четвертей ржи, или четверо саней. Он уже по дороге истратил от 8 до 10 денег, что составляет больше его дневного заработка. Если же он продает лошадь, ему придется еще истратить 15 денег. Впрочем, система эта не представляла особенности русского государства. Она была общим явлением той эпохи, когда во Франции еще сохранились следы феодальной фискальной системы, не менее требовательной и стеснительной, когда древний *telonium* обратившийся в *tonlieu* и древний *vinagrum* ставил *vientrage,* обирал купцов при проезде через каждую землю. В 1567 году насчитывали от 100 до 150 таможенных застав по течению одной только Луары. С ящика каких-нибудь галантерейных товаров, отправлявшихся из Парижа в Руан, с уплаченным ярмарочным сбором, взимали пошлины в Севре, в Нейли, в Сен-Дени, в Шату, в Пеке, в Мезоне, в Конфлане,

в Пуаси, в Триеле, в Мёлане, в Манто, в Рош-Гюйоне, в Ворроне, в Андели, в Пон-де-Ларин, на Руанском мосту и, если товар предназначался в Англии, то взимали в том же Руане еще так называемые «Droits de vieomt(», «Droits de r(ve» и «haut passage». К этому нужно еще прибавить расходы за разрешение нагружать, фрахт, плату лоцману.

Однако во Франции уже Людовик XI старался уменьшить число этих поборов, бывших во время анархии Столетней войны. Сама-то система пошлин во Франции была в некотором смысле плодом анархии. В России же она явилась следствием развивавшегося здесь особого строя и осложнялась с увеличением нужд государства. Кроме того, торговля была обременена здесь дополнительными правилами, вытекавшими из первобытных экономических взглядов. Какой-нибудь литовский купец, обменяв в Москве сукно на воск и несколько серебряных безделушек в придачу к нему, мог обнаружить свой товар конфискованным, так как торговля драгоценностями запрещалась.

Кроме того, торговля страдала еще от общего несчастия всех городских поселений того времени. Городские строения и мостовая, если она где встречалась, – все было из дерева и, по меньшей мере раз в 10 лет подвергалось полному опустошению от пожара. После пожара в Новгороде, уничтожившего в 1541 году весь славянский конец, 908 домов, в 1554 г. жертвой его сделались 1500 домов. Одна из летописей этого города, вторая, представляет собой простой перечень этих периодических несчастий. Никаких мер против этого бедствия не предпринималось. Только в 1560 году догадались поместить недалеко от печей кадки, наполненные водой, и большие крючья, какие можно заметить и до сих пор в русских деревнях у изб, находящихся в постоянной опасности от огня. В 1570 г. к этим мерам прибавилось запрещение летом топить бани и разрешалось печь хлеб не иначе, как в печах, помещающихся вне дома. Прибавьте к этому плохое состояние дорог в стране, которая и теперь за неимением подходящего материала вынуждена обходиться без шоссе. Из Порта Святого Николая на Белом море, куда впервые пристали англичане, и до Вологды, где они основали первую свою контору, было 14 суток езды водным путем, а сухим 8 суток в зимнее время. Летом же к сухопутному сообщению долгое время не прибегали. От Вологды до Ярослава считали два дня пути и 30 от Ярослава до Астрахани по воде. Из Новгорода в Нарву важный по внешней торговле путь представлял собой проселочные дороги, проходившие через леса и болота. Гостиниц не было. Деревни попадались редко. Между Новгородом и Москвой тянулось пустынное пространство и из Москвы в Вильну летом можно было добраться с большим трудом. Единственной дорогой, более или менее проходимой во все времена года и сравнительно удобной, была дорога, проходившая по довольно населенным местам между Псковом и Ригой на западной границе. Поэтому большие транспорты совершались летом по водным путям, а зимой по санным. В то время не редкостью было встретить 700 или 800 саней, наполненных зерном или рыбой. Отправлялись тогда в дорогу обыкновенно большими партиями, боясь вооруженных нападений, что нередко случалось.

Опасность встречалась везде: татары на востоке делали постоянные набеги, убивали и грабили путников, казаки на юге, а бродяги везде. На Волге шайки разбойников были настолько многочисленны, что из года в год приходилось высылать против них военные отряды для укрощения их дерзости.

Иностранные путешественники отметили одно явление, ярко выделяющееся из ряда того, о чем я только что рассказывал, – это превосходная организация почты. Из Новгорода в Москву, когда была хорошая дорога, т. е., зимой, 542 версты делали в трое суток, уплачивая по 6 коп. за расстояние в 20 верст. На станциях можно было всегда найти сколько угодно лошадей. В дороге загнанную лошадь быстро заменяли другой. Ее бросали, а брали новую в первой попавшейся деревне или у первого встречного. Царская служба! Достаточно было иметь подорожную, выданную надлежащей властью, чтобы пользоваться подобными услугами. Летом, правда, картина изменялась. Лошади были или на пастбище или заняты поле-

выми работами. Часы проходили, пока можно было добиться нужной запряжки. Но тогда пользовались преимущественно водными путями, где были лодки и гребцы на той же службе.

Это было наследием татарского завоевания, поразительные успехи которого обусловливались чрезвычайной быстротой и совершенством средств передвижения. Не нужно забывать, что во Франции организация почты относится только к 1464 г., когда они были учреждены эдиктом Людовика XI, и то пока еще только с исключительной политической целью – для королевских курьеров. Россия всегда была страной поразительных неожиданностей.

Но это единственное преимущество не искупало других недостатков, парализовавших в XVI веке развитие экономической жизни. В 1553 г. в Пскове на кладбище было похоронено 25000 трупов, не считая тех, которые в большом количестве сгнили в полях за городом. Народ гиб здесь от чумы – такого же периодического бича, как и пожары. В 1565 г. весной чума была в Луках и Торопце, а осенью в Смоленске и Полоцке. На следующий год она опустошает Новгород, Старую Руссу, еще раз Псков, Можайск и даже Москву. Перед чумой или одновременно с ней, как было в 1570 году, бывал голод. И средства мнимой борьбы с этими несчастьями были так же жестоки, как и они сами. В 1551 г. из Новгорода выгоняли псковских купцов, которых считали зараженными, и тех из них, кто сопротивлялся, сжигали. Сжигали также и священников, решавшихся посещать больных.

В действительности голод был здесь нормальным явлением. Англичанин Джекинс, ловкий коммерсант и вместе с тем проницательный наблюдатель, говорит о двадцати четырех человеках, умерших на его глазах в небольшой промежуток времени от недостатка пищи. Питались они хлебом из высушенной и смолотой мякины. Такой хлеб составлял в зимнее время пищу огромного большинства населения, привыкшего летом есть траву, коренья, древесную кору. Иностранец отмечает при этом бесчеловечность людей в этом крае. Они оставались равнодушными при виде себе подобных, падавших и умиравших на улице от истощения. Эта черта замечается везде, где нищета, сделавшись обычным явлением, притупляет чувство и ожесточает сердца.

В XVI веке богатство или даже простое довольство в этой стране явление исключительное. Наряду с монастырями только Строгановы обладали значительным состоянием. Флетчер определяет его в 300 000 рублей деньгами, не считая огромных земельных владений. Обработанные поля простирались от Вычегды до границ Сибири. В промышленных предприятиях насчитывалось до 10 000 рабочих по найму и 5000 крепостных. Строгановы платили в государственную казну 23000 рублей налогов. Но правительство чуть не разоряет их, требуя все больше. Эта именно система и разоряла многих и в результате таким образом сделала то, из чего Строгановы составляли исключение.

Правительство и церковь, двуликий Ваал. Они пожирают все, сосут национальное богатство, истощая источники дохода: правительство своими чрезмерными поборами, церковь высокими ростовщическими процентами по ссудам. Все в долгу у монастырей и более бедные уплачивают проценты своим трудом, который таким образом является потерянным для общей экономики и для накопления национального богатства. Формула, по которой муж и жена, а иногда и вся семья с детьми обязываются *«за рост служити в двое по вся дни»,* делается общеупотребительной в долговых обязательствах, число которых все возрастало. Выше уже отмеченная редкость монеты служит показателем общей бедности.

По свидетельству Гуаньино, беличьи шкурки служили эквивалентом обмена до конца века, да и Петр Великий еще уплачивал жалованье своим чиновникам таким же способом. Однако в XVI веке чеканка монеты оставалась еще свободной и государство следило только за весом и пробой. Некоторые чеканщики получили даже право класть свое имя на монетах. Очень распространенными также были серебряные слитки и примитивные новгородские монеты, снимки которых дает нам Шадруа в своем труде «*Apereu sur monnaies russes*», 1836.

Они были ни чем иным, как слитками. Привычка смотреть на золото и серебро как на товар надолго укрепилось в умах. Но благородных металлов было недостаточно. Хотя можно сказать, в противоположность утверждению Павла Иовуса, рудники в России были. Уже Иван III в 1482 г. просил венгерского короля Матвея Коровина прислать ему несколько инженеров для эксплуатации рудников. В 1391 г. серебряные россыпи были открыты на берегах Цыльми, притока Печоры. Однако добыча серебра оставалась незначительной и Россия в этом отношении чувствовала себя в зависимости от иностранцев. Что касается золота, то в обращении были только иностранные монеты – венгерские, голландские, польские, флорентийские червонцы, английские shitts-nobles и roses-nobles. Из серебряных – обращались в большом количестве голландские флорины, немецкие талеры, называемые здесь обыкновенно *ефимками,* и английские шиллинги. Количество золотой монеты, находившейся в обращении, было так ничтожно, что всякое событие, повышавшее на нее спрос, как, например, свадьбы или крестины в царской семье, отправка послов заграницу, – увеличивало цену ее вдвое. По существовавшему обычаю государь по случаю свадьбы и крестин получал в подарок от бояр и сословных представителей червонцы. Послы нуждались в золоте даже для представительства в Польше.

Государь всегда имел много денег в своих подвалах. Он был очень богатым владыкой весьма бедной страны и поражал всех, даже запад, своим богатством, но размеры и способ приобретения его нельзя точно определить. Поэтому я ограничусь только краткими указаниями на этот счет.

VII. Финансы

Мы не имеем никаких точных данных относительно бюджета Московского государства до конца XVI века. При сыне Ивана IV, в конце века, Флетчер определяет доход государства в 1 400 000 рублей – 600 000 прямых налогов и 800 000 косвенных. Судя по документам, относящимся к царствование Алексея, эти цифры кажутся близкими к действительности и указывают, что приход при Иване Грозном в среднем равнялся 1 200 000 руб. В то время в Англии прямых налогов не существовало. Налоги же на предметы потребления приносили 140 000 крон, и весь доход Генриха VII не превосходил миллиона крон. Рубль тогда считался равным 16 шиллингам и 8 пенсам. Таким образом Иван IV взимал со своего народа больше того, что взимал со своего Генрих VIII, в 4 раза.

На самом же деле Иван получал гораздо больше. Важным источником дохода московского государя была земля, раздававшаяся «служилым людям». Ею оплачивались самые существенные потребности государства – армия и администрация. Таким образом, государь этот копил денежные средства. Хотя военные припасы и жалованье некоторым отрядам, уже тогда составлявшим ядро регулярной армии, требовали значительных расходов. По некоторым сведениям, на это уходило три четверти дохода. Но оставшаяся четверть все-таки могла быть отложенной. В самом деле, для содержания своего двора великий князь, как и все другие европейские государи, мог пользоваться доходами со своей личной вотчины. Ему принадлежали 36 городов с селами и деревнями, прилегавшими к ним. Отсюда доставляли ему, кроме денег, хлеб, скот, рыбу, мед, сено. Все это не могло быть потреблено двором, как бы велик он ни был, и служило предметом довольно значительной торговли. Иван IV из этого источника побочных доходов получал 60 000 руб., а его преемник, более экономный, до 230 000 руб.

Указанный порядок в общих чертах сохранился до наших дней. Он составлял неотъемную часть строя, выдержавшего вековое испытание. Стране, достаточно покорной для того, чтобы приспособиться к нему, он доставил если и не благосостояние, то по крайней мере величие и материальное могущество, громадную силу концентрации и роста. Остается выяс-

нить причину этой покорности. Это нам, быть может, удастся, если мы проникнем в духовную жизнь народа, успевшего совершить столько великого с такими средствами.

Глава третья
Умственная жизнь

Причины слабости. Умственные течения. Литература. Искусство. Преобразовательное движение.

I. Причины слабости

Монголов, наводнивших Русь в XIII веке, обыкновенно обвиняют в преступлении против цивилизации. Они будто бы явились причиной разрыва сношений этого государства с Западом и произвели быструю остановку в культурном его развитии. Я также долго разделял общее заблуждение и без смущения сознаюсь: все говорит в пользу этого взгляда, а история нашествия так темна! Свидетельство противоположного характера меня сначала поразило. Но тем не менее оно достаточно убедительно, так как исходит от одного из высших представителей национальной церкви. А ведь известно, что до XVIII века умственная жизнь страны концентрировалась в этом очаге просвещения.

«Судя по состоянию и успехам развития просвещения в течение двух с половиной веков, предшествовавших татарскому завоеванию», пишет архиепископ Макарий в своей «Истории Русской церкви»,[11] «мы не думаем, чтобы эти успехи были более быстрыми и в следующие два века, если бы даже монголы и не посетили нас… Эти азиаты нисколько не мешали духовенству, особенно в монастырях, заниматься наукой. Но русские сами в то время, кажется, не имели никакого влечения к высшим духовным потребностям. Следуя примеру своих предков, они ограничивались уменьем свободно читать и понимать священное писание»…

Новейшие исследования разрушили иллюзию, что с татарским нашествием нахлынула на европейскую культуру волна варварства. Соратники Батыя и его полководца Суботая вовсе не были такими страшными варварами, как их представляют. Это превосходно показал Каен в своей книге, являющейся в некотором роде настоящим открытием.[12] Татары были перворазрядными полководцами и чудесными организаторами, достойными представителями той цивилизации, которая через какое-нибудь столетие в г. Самарканде привела в восхищение послов Генриха Кастильского (1405) и распространила по всей Европе употребительные астрономические таблицы, составленные Улугбеком.

Разрушителями татары были только в случаях военной необходимости и притеснителями являлись только там, где дело шло об их фискальных интересах. По своей численности они не могли наводнить страну. Легенда о нахлынувшем потоке – не что иное, как мелодраматическая выдумка: Суботай везде побеждал с небольшим, но хорошо вооруженным, очень подвижным, под превосходной командой, войском.

Вероятнее всего, что они повсюду находили развалины, разлагающееся государство и страну, уже отделившуюся от Европы и жившую в политическом и умственном отношении почти в полной изолированности. Ярослав (1019–1054) выдал замуж свою сестру за польского короля Казимира, одну из своих дочерей за короля венгерского, другую за норвежского и третью за Генриха I французского, – браки такого рода не были продолжены в традиции великого киевского княжения среди его наследников, споривших из-за уделов. И уже в 1169 году Киев был разрушен другими варварами, которые пришли не из Азии. Удельные

[11] V т., 258.

[12] Introduction a l'histoire de l'Asie, 1896, стр. 343 и след.

князья старались овладеть огнем и мечом древней столицей Киевом. Расчлененная и опустошенная своими же детьми, Русь была еще в духовном общении с Византией, была привязана к трупу; она была связана с греческой наукой, но осуждение античной культуры, закрытие древних школ, введение восточных идей лишали ее свободы исследования, существенного условия прогресса. Современники Фотия († 891) приписывали знания патриарха колдовству одного пажа еврея, точно так же как науку архиепископа Феодора Лев Грамматик смешивал с вызыванием теней умерших. Историография ограничивалась собиранием легенд. Преподавание философии было запрещено. Вся умственная жизнь сводилась к религиозной полемике, находившейся в фазе упадка. С XII века восточные монастыри не в силах уже использовать научные материалы, которыми они располагают.

Умственное одиночество Православной Руси было прямым следствием ее родства с этой византийской *Alma mater.* Из двух сот сорока русских писателей, появившихся до конца XVII века, не считая юго-западных католиков, сто девяносто были монахи, двадцать из числа белого духовенства и тридцать других были авторами трудов, посвященных главным образом религиозным вопросам. Литература и наука были таким образом почти исключительно церковными. Уже в XIII веке церковь представляет закрытый, непроницаемый мир. Православие запрещало всякое общение с иноверцами. Обычай требовал от русских государей мыть руки после аудиенции, данной иностранным послам, что так оскорбило папского легата Поссевина при дворе Грозного. Присоединение к флорентийской унии митрополита Исидора, ставленника Византии, и взятие турками Константинополя еще более увеличили это духовное одиночество Руси. Теперь сам Восток вызывал подозрения, а торжество ислама казалось заслуженным наказанием. В эту эпоху возникает и распространяется предание о пребывании на Руси ап. Андрея, что свидетельствовало в пользу древности и независимости местного православия. Возникла идея национальной веры, соответствующей самобытным чертам славянского духа.

Однако национальная церковь не только не сияла новым блеском, но напротив, все больше и больше погружалась во мрак. К концу XV века не осталось и следа школ, существование которых при древних монастырях подтверждается многими источниками.

В начале следующего века архиепископ Новгородский, святой Геннадий, с грустью отмечает, что лица, рукоположенные им во священники, не умеют ни читать, ни писать. Устное поучение также отсутствовало, кафедры безмолвствовали и, по свидетельству иностранных путешественников, с трудом можно было найти одного между десятью жителями, кто бы знал наизусть «отче наш». Веком позже, в 1620 г., один ученый швед Ботвид серьезно обсуждал вопрос о том, христиане ли русские.

Монастыри продолжают собирать книги. Некоторые имели даже библиотекарей. Но чтение стало специальным занятием маленькой группы избранников. Оно само уже становится наукой и мало-помалу вся ученость заключалась в нем. Читать как можно больше и даже заучивать наизусть прочитанное – разве это не все, что только можно сделать? Ученый – это *книжник,* человек, знающий много книг. Но каких книг? В монастырских библиотеках почетное место занимали апокрифические сочинения, такие, как «Завещание Моисея», «Видение Исаака». И эти сочинения пользуются уважением наравне с каноническими. Максим Грек, призванный с Востока в начале XVI века для исправления церковных книг, первый восстал против убеждения, что солнце не заходило в продолжение целой недели после воскресения Христа, и против поверья, что на берегу Иордана ехидна сторожит завещание Адама. Мы имеем каталог библиотеки Троице-Сергиевой лавры в XVII веке. Древняя литература состоит из 411 рукописей. Это почти столько же, сколько было в Glastonbury в XIII веке. Но какая разница в составе! В Glastonbury на первом месте стоят классики, историки и поэты. В Троицкой библиотеке мы насчитываем 101 библию, 46 книг богослужебных, 58 сборников поучений Отцов Церкви, 17 книг по церковному праву и только один философ-

ский труд. Остальная же, большая, часть состоит из аскетических произведений. До семнадцатого века древние греческие и латинские писатели оставались неизвестными для русских читателей. Из числа светских произведений любимыми для чтения были хроники. И какие еще хроники! Малалы, с цитатами из стихов Орфея, и еще более распространенная хроника Георгия Амартолы с подробным описанием одежды некоего иудейского священника, шедшего навстречу Александру Великому. В области географии и космографии авторитетами были Георгий Писид и Козьма Индикоплов. Его заключения о размерах земли, выведенные из формы Моисеевой скинии, не встречали никакого недоверия. Поучения, пересыпанные цитатами из апокрифических произведений, идеи Птоломея и Аристотеля, бредни манихейцев и гностиков – все у него смешивается и распространяются самые нелепые понятия. В философии русские держались Иоанна Дамаскина и его теории науки, сведенной к одной любви к Богу. Но до XVIII века с произведениями умозрительными Василия Великого, Дионисия Ареопагита самое видное место занимает «Пчела», представляющая собой несвязную компиляцию из текстов священного писания, извлечений из Отцов церкви, отдельных мыслей, заимствованных у Аристотеля, Сократа, Эпикура, Диодора, Катона.

Под влиянием таким образом приобретенных познаний предсказание затмений луны считается колдовством. Книги *математические* – под этим названием подразумевались арифметика, астрономия, география, музыка, – были запрещены, как неблагочестивые. Горизонт *книжника* был слишком узок. К нему не проникал свет европейской науки. Он топчется на одном месте, вдали от движения, уносящего вперед Запад.

Правда, в XVI веке луч солнца и дыхание жизни проникают в эту темницу вместе с албанским монахом, учившимся в Греции и Италии, бывшим уже в некотором роде европейцем. Хотя он и ограничил свою литературную и научную деятельность вопросами веры и морали, но он все же принес на подошвах своих башмаков немного пыли из Милана, Флоренции, Венеции, Феррары и особенно из Падуи. Происходившая тогда там борьба между сторонниками Платона и последователями Аристотеля, течение, ведшее образованный круг людей к подражанию языческим нравам и к нападкам на средневековую теологию, не могла не затронуть и Максима Грека. Он был знаком в Венеции со знаменитым типографом Альдом Мануцием, а во Флоренции прикасался к еще горячему пеплу от костра Савонаролы. Он имел ясное представление о важном научном значении Парижа. Но все это не мешает ему быть лишенным того критического смысла, который является главным двигателем интеллектуальной жизни Запада. Он был проникнут абсолютным недоверием к светской науке и осуждает появившийся в то время русский перевод «Луцидария», знаменитого произведения XII века, приписываемого св. Ансельму Кентерберийскому или Гонорию Отенскому. В этом произведении трактовались сравнительно разумно некоторые вопросы из области космографии и физики. Он не хочет допустить эту книгу в библиотеку, откуда изгнаны греческие и латинские классики. Образовалась легенда вокруг этих классиков. Они будто бы вместе с большим количеством других светских произведений и несколькими еврейскими рукописями хранились с XV века в самом Московском Кремле. На существование этой библиотеки русскому обществу указали исследования двух иностранных ученых Клоссиуса (1834) и Тремера (1891). Вопрос об этой библиотеке еще недавно (1894) вызывал в печати споры. Были даже произведены раскопки на месте старого дворца. Они дали отрицательные результаты. Ниенштедт, ливонский летописец, был первым автором рассказа, где есть упоминание об этой библиотеке. Затем профессор Дерптского университета Добелов составил в 1820 г. каталог этой библиотеки. Каталог бесследно исчез. Были ли они мистификаторами, или же введенными в обман, ясно, что легенда не имеет реального основания. Впрочем, еще гораздо раньше подобная басня приписывала московским государям обладание значительным количеством византийских рукописей, которые император Иоанн поместил в безопасное место пред взятием Константинополя турками. Кардинал Сан-Джиорджио поручил

в 1600 г. греку Петру Аркудиусу, прикомандировав его к польскому посольству, проверить этот слух, и оказалось, что он был ложным. Правда, Иван IV и его предшественники владели несколькими книгами и рукописями, но до конца XV века в числе их известна только одна книга на иностранном языке – это немецкий гербарий, и она совершенно терялась среди книг богослужебных, кормчих, хроник и трактатов по астрологии.

Под двойственным влиянием самобытного византизма и материализма, присущего каждому обществу, переживающему первые фазы своего развитая, умственная жизнь здесь разделялась между двумя противоположными течениями, которые иногда сочетались самым причудливым образом. И вот мы видим то аскетизм без всякого идеала, то грубый сенсуализм, одним словом, двойной путь в бездну небытия.

II. Умственные течения

Из первобытной и бесплодной независимости дикарей русские сразу попали под иго суровой и по-своему не менее дикой морали, преследовавшей свободу знания, свободу творчества и даже свободу существования. Все живые силы, которым человечество обязано было своей облагороженностью, были осуждены и прокляты этим учением. Предавался проклятию мир свободной науки, как очаг ереси и неверия. Проклинался мир свободного творчества, как элемент развращенности. Проклиналась даже сама жизнь свободная, с ее радостями, счастьем, мирскими удовольствиями, как нечто позорное. И вот замолкли баяны при дворах князей. В летописях воодушевленный тон и поэтически обороты, свойственные писателям XI и XII века, уступили место сухому дидактическому повествованию, изгонявшему эпический элемент даже из тех документов, которыми оно пользовалось. Даже простая беседа, если она отклонялась от религиозных рассуждений, подвергалась анафеме. Воздержание во всех видах стало главным правилом жизни. В некоторых семьях приучают детей с раннего возраста обходиться без молока. В два года они уже должны соблюдать все посты. Употребление в пищу мяса разрешалось только три раза в неделю. Сношения между супругами запрещались в три дня каждой недели и во все праздничные дни и в течение всех постов. Русским компиляторам византийских писателей хорошо известны слова Катона:

«Мы управляем миром, а женщины нами».

«Пчела» ставить это изречение на видное место, как и слова Демокрита, мужа крошечной женщины: «Я взял наименьшее зло!» Проникаясь тем же принципом, церковь считает женщину главным орудием дьявола в его деморализационной работе. Она проклинает женщину, а вместе с ней и все искусства, так как вдохновительницей их всегда и всюду была женщина.

В религиозной жизни эта тенденция заканчивалась бессмысленным формализмом тех церковных учителей, которые видели вечные истины, непоколебимые, догматы, даже в манере одеваться и носить бороду.

После Флорентийской унии и признания национальной церкви единственной хранительницей священных преданий форма стала скинией, ковчегом, где хранилась вера. Вне его один только латинский рационализм, безразлично, католический или протестантский; как в том, так и в другом случае источник безбожия и ереси. Умствования запрещались. Изгоняя этот существенный фактор прогресса, Москва в интеллектуальном отношении становится ниже Византии, где догматические споры всегда сохраняли за собой право существования. На Руси с XII века подвергаются обсуждению только вопросы такого содержания: «Может ли священник, не спавший ночью после еды, совершать утром литургию?» «Может ли служить, если в его облачении где-нибудь вставлен женский платок?» Даже проповеди, насколько они сохранились, касаются только вопросов обрядности: «Следует ли ходить во время богослужения против солнца или посолонь?» «Креститься двумя или тремя

перстами?» Первый церковный собор, созванный Иваном IV, занимался этим вопросом и предал отлучению тех, кто крестится двумя перстами.

Вера, отождествляемая с обрядностью, сводит благочестие к исполнению внешних форм, к соблюдению постов, к долгому стоянию в церкви. Исповедание, как внутренний религиозный акт, отступает на второе место. Наиболее набожные говеют только один раз в год. Самые точные и исполнительные считают, что признаться на исповеди можно только в части своих грехов. Церемонии заменили все. Они становятся все пышнее и приобретают все более и более театральный характер: такова процессия в Вербное воскресенье, когда митрополит садился на осла, объезжал церкви, благословляя народ, расстилавший свои одежды под копыта символического животного. Таково было изображение трех еврейских отроков, брошенных в огненную пещь. Амвон заменялся большой печью и в нее вводили со сложными обрядами трех юношей, одетых в белое. Не доходило только лишь до того, чтобы их сжечь на самом деле.

Религиозное чувство оставалось очень интенсивным, но оно блуждало по ложным путям, утопало в непроходимых дебрях. В то время как «Домострой» советовал 600 раз в день прочитывать такую-то молитву, чтобы через три года в молящегося вселилась святая Троица, спорили о том, можно ли без греха переступить порог дома, где находится роженица, и считать ли нечистым молоко только что отелившейся коровы. Так чувственность ловила благочестивые души на неверных путях. Суеверие расставляло для них другие сети. В этой бесконечно растянутой сфере церемоний чувствовался еще полуязыческий финский элемент. На севере удерживались почти до XVIII века верования и привычки древнего культа, так как население там было менее податливо для подчинения славянам и в умственном отношении мало доступно христианскому влиянию. Успехи того и другого долго здесь обозначались рассеянными на громадных расстояниях друг от друга островками колоний. Еще недавно карта Кеппена обнаружила в доброй половине населения преобладание черт, характерных для чуди. Это племя чрезвычайно суеверно. Природа здесь всегда угнетала человека. Непроходимые леса, громадные скалы или непрерывные озера и болота: такой пейзаж внушает ужас. Слух наполнен шумом низвергающихся вод или вечным ревом свирепого ветра. *Северное сияние* бросает в глаза свет страшных пожаров. Блуждающие огни над стоячими водами поражают воображение; кровожадные и ядовитые животные – медведи и змеи – грозят смертью на каждом шагу. Изо всего этого финны создали себе религию, которая является воплощением ужаса. Их боги скорее дети Аримана, чем Ормузда. В каждом камне, в каждом дереве живет злой дух, и нет против этих духов другого средства, кроме заклинания.

Молитва и колдовство, священник и заклинатель – одно и тоже. Искусственное подражание шуму природы успокаивает вечно озлобленных духов: в этом суть веры, распространенной на огромном континенте от Урала до Японских и Китайских морей и от мрачных берегов Ледовитого океана до угрюмых вершин Гималайских гор. Богослужение здесь состоит в подражании движению и шуму бешеных стихий.

Барабаны, гончие, колокольчики производят какое-то неистовство. Жрец-колдун, *шаман,* у остяков, прыгает вокруг огня, ударяя в барабан. Присутствующие стараются криками покрыть шум, производимый им. Это продолжается до тех пор, когда жрец закружится и придет в исступление. Тогда его схватывают два человека, набрасывают ему на шею веревку и едва не удушают его. Оглушительный шум, вид пламени, конвульсии тела и сожимание глотки довершают состояние экстаза, во время которого снисходит дух на этого галлюцинирующего пророка.

Эти обрядности несомненно выражали бессознательное стремление человеческого духа к победе над природой и утверждению своего превосходства над нею. Но развитие в этой области оставалось здесь в своей первой фазе. И северная Русь долго не шла дальше

азбуки духовной эмансипации, дальше первобытных религиозных обрядов. Еще в XV веке финские племена Водской Пядины (современная Петербургская губерния) поклонялись деревьям и камням и приносили им жертвы. Мир казался им населенным фантастическими существами, как, например, гадюка с крыльями, птичьей головой и хоботом, могущим распространить гибель на всю землю, десятиголовый дракон, растение, похожее на овцу и приносящее ягнят. Русские того времени показывали иностранцам даже шапки, отделанные мехом этих чудовищ!

Православное духовенство иногда боролось с этими суевериями, иногда же и само покровительствовало им. Некоторые члены его писали колдовские книги, удачно вводили их в церковную литературу, извлекая таким путем большую выгоду для себя. Вызыватели духов встречались даже в монастырях. В конце века в свите Грозного находятся колдуны.

В самых набожных семьях языческие божества еще сохраняют свое место у очага, между прочим *род* и *рожаницы,* от которых зависело рождение и смерть человека. Им приносились жертвы. И из этих жертвоприношений *кутья,* блюдо, изготовляемое для поминок, была заимствована церковью.

Под влиянием тех же суеверий малейшие житейские события приобретали мистический и пророческий смысл: треск в стенах, шум в ушах, чешутся пальцы – это предвещает дорогу; крик уток, дрожание век – к близкому пожару. Под общим названием *рафли* подразумевалась целая литература, содержавшая объяснение этих примет, а также и толкование снов, которым придавалось большое значение. Беременные женщины давали хлеба медведям, которых во множестве водили так называемые *скоморохи,* и по ворчанью этих зверей определяли, какого пола будет у них ребенок. Скоморохи были колдунами и снотолкователями, жрецами полухристианского, полуязыческого культа, между которыми делилась вера населения. Они пользовались таким почетом и уважением народа, что церковь была бессильна сокрушить их престиж. Они избавляли человека от гнева высшего существа тем, что давали ему носить под левой мышкой правый глаз орла, завернутый в платок. Они брали немного земли из-под ноги человека, от которого нужно было избавиться, и этот человек был уже обречен на гибель: стоило бросить землю в огонь, и он с того же момента начинал сохнуть. Не забывались при этом и ангелы, призывавшиеся в начале всякой работы, св. Никита, изгонявший демонов из дома, когда к нему обращались с просьбой о помощи. Язычество и христианство, религия и суеверие переплетались, смешивались и сливались друг с другом. В ночных собраниях, которыми сопровождались некоторые праздники, – как, например, канун Иванова дня. Рождества, Крещения, Нового года – Богу и дьяволу воздавался одинаковый почет. В субботу накануне Троицы плясали с жалобным воем на кладбищах. В великий четверг сжигали солому, чтобы вызвать мертвых, и брали из-за церковного престола щепотку соли, как верное средство против некоторых болезней.

В XVI веке суеверие было распространено по всей Европе, даже при самых изысканных дворах и в самом Ватикане. Не говорим о совещаниях по важным вопросам Павла III с астрологами, считавшимися за представителей науки. Но разве падение совы не возвестило близкого конца Александру VI? Но на Руси это время совпало с полным расцветом таких же верований, составлявших основание умственной жизни, лишенной существенной пищи. Литература ими жила долго, до самого начала нового времени, и жажда читателей почти ничем другим не утолялась.

III. Литература

Писатели XIV и XV века ограничивались большею частью механическими компиляциями. Мертворожденные произведения! Ни одной свежей бытовой черты, даже в житиях местных святых. Летописи по стилю приближались к официальному протоколу. Самый

замечательный из этих сборников «Степенная книга» митрополита Макария. Этот труд возвышается над общим уровнем благодаря тому, что автор пытается в нем установить связь между фактами действительности и родословной государей. Степенная книга – произведение с политической тенденцией, но этим самым она отличается от общей банальности. Вот откуда Грозный почерпнет идею происхождения от кесаря Августа! Степенная книга – труд религиозный, старающийся доказать божественное вмешательство во все земные события. Впрочем, написавшее ее лицо было, как мы сейчас увидим, тоже только компилятором, но более высокого пошиба.

Как по форме, так и по содержанию, литература этого периода стоит гораздо ниже литературы киевского периода. Вместе с поэзией, естественностью и простотой исчезли свежесть и прелесть ее. Нет ничего самобытного! Расчет заменил вдохновение; стремление к красоте проявляется редко и неспособно подняться до искусства, превращаясь в искусственность. Ни одной строчки, где бы трепетало волнение и глубина чувства искупляла поверхностность мысли. Ни одной поэмы. И это в эпоху Чосера и Виллона, Петрарки и Боккаччо. Ни одного научного или философского очерка – и это в эпоху пред появлением в Италии Галилея, в Англии Бекона, во Франции Монтеня, пред началом века Шекспира, Сервантеса, Джордано Бруно, Декарта, Роберта Этьена и Дюканжа. Даже в соседней Польше, стремившейся уже по наклонной плоскости к упадку, XVI век имеет целую плеяду мыслителей и художников, свою необыкновенно богатую политическую литературу, гениального писателя Режа. Язык здесь уже сформирован. Стиль доходит до совершенства в проповедях Скарги. Скоро Баторий будет возить с собой типографии даже в походах, которые заведут его в самое сердце Московии. В Московии же в это время типографское искусство, как и все другие, еще только нарождалось. Печатают или скоро будут печатать, но печатники находятся в Кракове, Венеции, Тюбингене, Праге, Вильне. Когда они появятся в Москве, их будут преследовать и захотят убить, а дома их сожгут. С другой стороны, что они будут печатать? Часословы, псалтири, Библию! До конца XVI века этот репертуар почти не изменился. Единственными произведениями, где проявится кое-какая самостоятельность и независимость мысли, будут: «Правила истинной веры» (Тюбинген, 1562), «Краткие поучения на воскресные и праздничные дни» (ibid, 1562), «Оправдание человека пред Господом» (Несвеж в Литве, 1562).

Народная поэзия существует, но за исключением исторических песен, где скоро отразится могучая личность Грозного, давшего народному творчеству новый толчок; она питается наследием древней Киевской Руси.

Вся литературная деятельность после падения древней Руси, выразилась в первой половине XVI века в двух основных произведениях, заключавших в себе сумму приобретенных знаний, ходячих идей, всего умственного достояния народа. Один из этих трудов окончен в 1552 г., но начат он еще в 1529 г. – это целая энциклопедия; другой, восходящий по своему содержанию и понятиям к далекому прошлому, имел форму руководства для домашнего обихода. Это знаменитый «Домострой». *Четьи-Минеи* митрополита Макария являются противоположностью ему. *Четьи-Минеи* или *Месячное чтение* представляют собой сборники житий святых, род произведений, очень распространенных уже в XV веке.

Целью обыкновенных миней было предложить на каждый день месяца поучительное чтение, относящееся к жизни святого, указанного в календаре. Макарий же задумал соединить в 12 громадных томах всю литературу страны. Книги свящ. Писания с комментариями, жития русских святых *(патерики)* и греческих *(синаксары),* творения Отцов церкви, энциклопедические сборники более ранней эпохи, вроде «Пчелы», описание путешествий – все было сведено вместе. Из книг священного писания, по ошибке ли переписчика или же благодаря намеренному пропуску, некоторых нет на лицо в этом собрании. Второе предположение кажется правдоподобным по отношению к *Песни Песней.* Как бы то ни было, это про-

изведение является для умственной истории эпохи незаменимым документом. Та часть, где содержится жизнеописание местных святых, дает любопытное указание на постоянную работу рационального сознания. Святые древних миней были местными героями и чудотворцами. В Москве не знали новгородских святых, а в Новгороде московских. Макарий соединяет их для прославления и общего почитания всей страны. Политическая работа Москвы укрепляется и торжествует на этом христианском Олимпе, завладевшем церквами Кремля и приобщившемся в пышности объединенной монархии.

Митрополит, по-видимому, только редактировал свой сборник. Работу производили выбранные им сотрудники. Он был первым основателем литературной коллегии, какая известна на Руси. Он создал вокруг себя движение, надолго пережившее его. Придавая большое значение стилю, он ввел и укрепил в литературном языке преобладание своего церковно-славянского языка, вытеснившего народный разговорный язык даже из житий святых, первоначально написанных на нем. Но, как и в произведениях Максима Грека, у Макария нечего искать критического смысла.

Он вовсе не проверял подлинности текстов нагроможденных в его энциклопедии материалов и ввел в нее, наряду с самыми нелепыми выдумками, безусловно фантастические жития святых, между прочим 40 мучеников, канонизированных сразу на соборах в 1547 и 1549 г. Но и здесь политика Москвы давала свой тон: ей нужны были небеса, сияющие новым блеском над простором только что объединенных вокруг главного центра областей.

Макарий, впрочем, был многосторонним писателем. Кроме «Степенной книги», о которой я уже упоминал, и многих посланий и поучений, ему еще приписывают «Кормчую книгу», русский номоканон, собрание всех канонических правил; книга монастырских уставов – это тоже компиляция.

Но этот писатель был также и оратором. Он нарушил молчание, долго сковывавшее уста национальной церкви. Две или три из сохранившихся его проповедей хорошо составлены, написаны просто, выделяются этим из всей предшествовавшей литературы. Они кажутся импровизациями и являются событием, возвещающим наступление новой эры в области литературы. Третья проповедь, произнесенная пред Иваном Грозным после взятия Казани, написана с наибольшим старанием, но менее удачно: он возвращается к худшим образцам прошлого. Общий недостаток художественного воспитания отнимал у этого, без сомнения богато одаренного, человека способность эстетического понимания. Очевидно, желая на этот раз подняться на высоту прославляемого им исторического события, он падает тяжело и неловко, не достигнув цели.

«Домострой» приравнивался к разным подобным ему произведениям итальянским, французским и даже индийским. Я бы скорее сказал, что его сравнивать нельзя ни с чем. Это в своем роде единственное произведение. Книга имеет ту особенность, что она не относится ни к какой эпохе и даже ни к одной определенной среде. Это, как я уже указывал, труд компилятивный и ретроспективный. Поэтому в нем так много отразилось бытовых черт.

Основа его, вероятно, заимствована попом Сильвестром из более ранней новгородской литературы, так как книга очень точно отражает нравы этой области. Домашняя жизнь, которую Сильвестр изображает, это жизнь местной аристократии, маленького мира бояр – наполовину земельных собственников, наполовину коммерсантов. Но к этой мирской части присоединяется однако добавление, посвященное религии и морали. Здесь среди заимствований как из церковной литературы, так и специально-нравоучительной, бывшей в большом почете в монастырях, мы встречаем меню на постные дни. Весь этот собранный материал проникает и царит над ним московский дух. Только одна последняя глава, в виде поучения священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы к сыну Анфиму, может быть приписана перу Сильвестра. Однако и здесь автор резюмирует поучения, вытекающие из предыдущих глав. Эти правила касаются отношений к Богу, к ближнему, к государю и слугам. Между

ними встречаются довольно странные, как, например, о задерживании дыхания во время прикладывания к иконам, и другие, где роль женщины в хозяйстве получает особое освещение: она может присутствовать при богослужении только лишь тогда, когда ей позволяют домашние хлопоты и обязанности, возложенные на нее. А они мало оставляли ей досуга. Глава семьи призывается быть более усердным. Изображение его роли неприятно напоминает законодательство того времени. Это как бы другой уголовный устав. Супругу, отцу, господину рекомендуется в меру применять наказания, не допуская однако никаких послаблений. Нужно избегать бить виновных по голове и под сердце, наносить удары ногами и тупым орудием. Впрочем, в этих наставлениях встречаются противоречия. Так, в одном месте употребление палки запрещается, в другом же сказано: «Если ты его (непослушного сына) ударишь жезлом, он от этого не умрет». Это неудобство всех компиляций. Как бы то ни было, семейные отношения между наказывающим и наказуемым почти ограничиваются распределением ударов, которые нужно дать или получить. Для супруги делается некоторого рода исключение. Муж должен увести ее подальше от нескромных взглядов и там, сняв с нее рубашку (на этом пункте «Домострой» настаивает, и он действительно важен в книге, где идея порядка и бережливости занимает важное место) и без гнева, взяв вежливо жену за руку, но с необходимой строгостью, погладить ей плечи своей плеткой. После же наказания муж должен быть обходительным и ласковым с женой, чтобы не пострадали супружеские отношения.

Эти средства поучений, вероятно, применялись очень часто. Действительно, обязанности наказывающего сводятся почти исключительно только к подробным расправам. Обязанности же наказуемой, т. е. жены, многочисленны и довольно тягостны. Она первая в доме встает. Помолившись, раздает работу всем слугам. Давая им хороший пример, она должна быть постоянно занята работой. От нее требовалось хорошее знание всех рукоделий: шить, стирать, стряпать. Муж и гости не застанут ее никогда без работы. Она должна воздерживаться от шуток и смеха с окружающими ее женщинами, не вести с ними пустых разговоров, также не отворять дверей соседним кумушкам, гадалкам и даже торговкам.

Очевидно, это только идеальное правило, как бы опрокинутое изображение. Его надо перевернуть, чтобы получить точное изображение действительности. Такое замечание относится не к одной странице книги. Оно применимо, например, к параграфу, где женщинам рекомендуется пить только лишь квас, также и к тому, где говорится, что со слугами нужно обращаться кротко и человечно, хорошо одевать их и кормить. Но в то же время перед нами показывается, как в кинематографе, силуэт слуги, посланного с поручением. Подойдя к двери дома, куда его послали, он оботрет ноги, высморкается, вероятно в руку, прокашляется, плюнет и тогда уже произнесет: «Благословенно буди имя Господне». Если ему на это не ответят: «Аминь!» – он повторит это трижды, повышая голос, и затем тихонько постучит в дверь. Когда его допустят в дом, он передаст, что ему велено, стараясь теперь уже не сморкаться, не плевать и не совать пальцев в нос. Исполнив все, он поспешит домой…

Характерной чертой этих картин, как и комментариев, которыми они сопровождаются, является материализм, которым проникнута домашняя и общественная жизнь. Воспитание детей сведено к внушение страха Божия и к обучению ремеслам. Чрезвычайная важность, придаваемая подробностям хозяйства – шитью одежды, употребление обрезков материи, расположению копен сена, – подчеркивает еще определеннее этот характер. В главе, касающейся общественных отношений, заметно то же самое. Если пригласят на свадьбу, не надо пить лишнего и не засиживаться за столом. Вот в чем вся суть.

Книга немного возвышеннее в конце, в той части, на которую Сильвестр наложил свой личный отпечаток.

Но и здесь обнаруживается скоро основная двойственность произведения: с одной стороны аскетизм, с другой – чувственность. Мирянин ли тот сын, которому автор предлагает

образец христианской жизни? Сначала можно в этом усомниться. Не спать в часы заутрени и не забывать времени обедни. Петь ежедневно утреню, всенощную и часы и не напиваться пред тем, как идти к вечерне – все это требовалось обыкновенно от монаха шестнадцатого века. Но нет! Человек, от которого этого требуют, имеет свой дом, куда ему рекомендуется почаще приглашать священника для совершения молебнов. Он ходит на рынок, где должен давать щедрую милостыню, не забывая при этом и своих интересов. Смешение божественного с мирским, правил высокой добродетели, доведенной до крайней суровости, и уроков практической мудрости, граничащей с цинизмом, пронизывает всю книгу с начала до конца. Искренно любить всех, никого не осуждать, не делать другим того, чего себе не желаешь, держать двери своего дома широко открытыми для бедных, страждущих, для всех несчастных, прощать обиды, переносить без жалоб дурное обращение, приходить на помощь даже своим врагам, наконец, сохранять чистоту своей плоти, если нужно, умерщвлять ее, и вместе с этим, в случае спора, обвинять своих слуг, даже если они и правы, и даже бить их, чтобы избежать ссоры, стараться угождать всем и в пост не забывать приготовлять хорошие постные блюда.

Ясно, что написавший все это усвоил только форму, не поняв духа христианства. Он увидел в нем только руководство оппортунистической философии. Будучи усердным читателем Библии, он в некоторых отношениях дальше Ветхого Завета не пошел. Он скорее фарисей, чем ученик Христа, так как ставит свою собственную жизнь образцом христианской. И он дает это понять. Он говорит, что отпустил на волю всех своих холопов, воспитал много сирот, что его любят и уважают слуги за то, что он их бил, когда следовало. Эту главу автор мог бы назвать «Подражание Сильвестру». Мы увидим, что автору, однако, не всегда удавалось всем угодить.

Во всей книге христианский идеал – любовь и смирение – сочетается с библейским, где семейная власть является движущей силой в частной и общественной жизни. В этом смысле «Домострой» дает нам точное понятие общества, где семья является не только центром, но и единственным очагом общественной жизни. Глава дома представляет в своем лице всю семью. Он не только господин, которому все должны повиноваться, он является существом, в котором все сосредоточено и от него все зависит. И это действительно было так даже еще в XVI веке, и не только в Новгороде, но и в Москве. Будучи картиной нравов в некоторых своих частях, «Домострой» в то же время и кодекс. Власть главы семейства он делает непоколебимым правилом, но оно было неустойчиво и хрупко, и самодержавный дух Москвы без труда справился с ним.

Вопреки своему новгородскому происхождению, «Домострой» является чисто московским произведением. Сходные черты можно найти в *Поучении* Владимира Мономаха (XII в.), в «*Dottrme dello schiavo di Bari*» (XIII в.), трактате, составленном для Филиппа Красивого Эгидио Колонном, в «*Regimento delle donne*» Франческо Барберини (XIV в.), в парижском «*M(nagier*» (около 1393 г.), в некоторых чешских произведениях XIV и XV века и даже в «*Indiche Hausregeln*», изданных Фр. Штенглером. Человечество некоторым образом повторяет само себя в течение времени на различных ступенях развития и под различными широтами. Но мы здесь в совершенно особом мире. Напрасно мы будем искать в нем нежных и сантиментальных отношений между супругами, изображаемых итальянскими писателями, или роскоши стола, тщательно описанной парижским повествователем.

Хронологически наиболее близкий к «Домострою» «*Cortegiano*» Бальтазаро Кастилио вводит нас в общество, где даже у ремесленников жизнь принимает изящную форму. Целая пропасть отделяет одну бытовую картину от другой. Как правильно заметил Пыпин,[13] есть только одна нить, связующая московское произведение с литературными памятниками дру-

[13] История русской литературы, II, 211.

гих стран – это влияние греческой литературы, наложившей свой отпечаток на всю русскую умственную жизнь той эпохи, она дала материал или вдохновляющую идею большинству современных Сильвестру писателей.

Любопытно то, какое впечатление произвела эта давно забытая и воскресшая в 1849 г. книга на одного из вождей славянофилов. Иван Аксаков сначала возмутился. Как могла быть задумана и написана в русской земле книга, столь противоречащая национальному духу! «Я прогнал бы на край света наставника, который стал бы мне давать подобные уроки!» Но поразмыслив, он вспомнил нравы, которые ему приходилось наблюдать среди московского купечества. И что же? Они жили еще по «Домострою». И это открытие тотчас же приводит к другому. Аксаков вспоминает некоторые главы сочинения Татищева о сельском управлении (1742) и о том, как он возмущался, думая, что видит в них доказательство немецкого влияния на нравы страны. «Как глубоко проникло оно в нашу жизнь», думал он. И вот «Домострой» открыл ему глаза: черты, так оскорбившие его, были уже отмечены в этом произведении. Я ничего не сказал о стиле Сильвестровой книги. О нем нечего и сказать. Автор вовсе не был художником. Да и существовало ли тогда художество на Руси?

IV. Искусство

Светскую литературу XVI века представляет только переписка Ивана IV с Курбским. Литература, как и искусство, сохраняла до этой эпохи чисто религиозный характер.

Главными памятниками его были церкви, украшения книг и иконы. Какую ценность имели эти произведения и в какой мере они отражали национальный дух?

Нельзя отрицать художественных дарований русского народа. С тех пор он уже успел доказать их. Я не придаю ни народному эпосу, ни кустарной промышленности того значения, какое за ними признают русские и некоторые иностранные писатели, видя в этом признак особого призвания. Пусть это так. Но, если вглядеться хорошенько, то характерной чертой и этой народной поэзии, и орнамента, которые считаются оригинальными, окажется подражательность. Скудость, если не полное отсутствие содержания, заимствованного из жизни и окружающей природы. Платок, вышитый простой женщиной в окрестностях Твери, отличается изяществом рисунка. Но этот рисунок персидского происхождения. Деревянная чаша имеет грациозную форму, но в глубине ее видна Индия. Несмотря на все опровержения, Стасов, мне кажется, неопровержимо доказал экзотерическое происхождение русских былин. Впрочем, искусство имеет много степеней, и это подражание есть уже шаг вперед. Теперь в стране Сильвестра можно открыть признаки вполне самобытного вдохновения, но можно ли было их найти в XVI веке и раньше?

В русской архитектуре XI–XVI в. ясно различаются два стиля. И тот, и другой византийского происхождения. Но один, на юге, остается преобладающим, почти без изменений. Другой же, на севере – в Новгороде, Владимире, Суздале – подвергается изменению под влиянием германского и ломбардского начала. Кроме того, везде к этим основным элементам, определяющим общую форму, план и конструкцию зданий, присоединяются еще в деталях черты, заимствованные со всех сторон азиатского и европейского горизонта. До XV века преобладает здесь Персия и Индия, позже – итальянский ренессанс.

Очень трудно прийти к соглашению относительно происхождения, способа распространения и значительности размеров этих заимствований. Гипотеза о прямом перенесении восточных и центрально-азиатских типов встречает ярых противников. С национальной ли или религиозной точки зрения, теория влияния славянского, именно, сербо-болгарского искусства показалась им более приемлемой. Немецкие писатели, и между прочим Шнаазе

в своей «Истории искусств»,[14] поддерживали теорию азиатского происхождения русского искусства и они видели в этом нечто унизительное, даже постыдное.

Французский же писатель Виоле ле Дюк, напротив, считает это похвальным. Без сомнения, уже недалеко то время, когда можно будет обсуждать эту проблему, не внося в нее излишнего чувства. Хотя я сомневаюсь в ее разрешимости. Россия была одной из тех лабораторий, где самые разнообразные художественные течения встречались и смешивались, чтобы создать среднюю форму между восточным и западным миром.

Впрочем, все цивилизации были продуктом подобного слияния. Художественное развитие России совершалось в более благоприятных условиях, чем умственное. Ее обособленность в этом отношении не могла быть такой полной. Первыми строителями ее церквей были большею частью в XI–XIII веке греки. Но позднее, несмотря на презрение и ненависть, питаемые к Западу, не могли обойтись без его помощи. Уже в 1150 году внук Мономаха Андрей призывает ломбардских архитекторов для постройки храма Успения во Владимире, тогда как сын его Юрий, женатый на грузинской княжне, имел в Суздале армянских мастеров. В других местах стиль некоторых орнаментов указывает на влияние персидских художников. В XV веке на сцену выступает итальянское искусство с миланцем Петром Соларио, флорентинцем Аристотелем Фиораванти, Марио, Алевизио и многими другими.

Как и в каком отношении комбинировались эти элементы, вероятно, трудно будет сказать с точностью как теперь, так и в любое другое время. В области архитектуры Византия, несмотря на свое первенство, должна была уступить место монгольскому, скандинавскому, романскому или туранскому влиянию. Византийское искусство было само чуждо оригинальности, заимствовало свои мотивы с крайнего Востока, из Персии, Малой Азии и даже из Рима. Оно стремилось приблизить своих русских подражателей к этим источникам вдохновения. Наиболее древние южно-русские храмы имеют стройную форму, изящные размеры, что отличает их от чисто византийских построек. Если сравнить их с архитектурными типами той эпохи во Франции, Англии, Италии, Германии, то они отличаются и от них. В этих русских сооружениях чувствуется влияние каких-то других образцов, в них есть, быть может, даже доля самобытности. Кто знает? Ведь посол Людовика святого нашел же при дворе хана русского архитектора вместе с французским ювелиром?

В XIII веке ясно ощущается влияние индо-татарского искусства. Появляются выгибы, словно взятые с тибетских монументов, колонны с выпуклостями, с тяжелыми капителями.

Первоначальный план церквей в основных чертах остался без перемены, но к главному куполу, введенному издавна, прибавляются другие, возвышающиеся в виде башен с луковицеобразными куполами затейливой работы, вызолоченной или выкрашенной металлической обшивкой. Они напоминают Эллорский храм. Внутри храмов широкие византийские своды изламываются под острым углом; затем к куполам присоединяются пирамиды с выступами, так несвойственные византийской архитектуре и развитые в индийской. Военные сооружения этой эпохи следуют по тому же пути. Кремлевские башни имеют четырехугольное основание. На нем возвышается куртина, увенчанная узкой вышкой. Они заметно отличаются от более ранних образцов. Но Азия ли торжествует в этих метаморфозах? И ей ли обязаны своим происхождением, как думает Виоле-ле-Дюк, врата храма св. Исидора в Ростове (XIV в.), со своими нишами, свод которых образуют дуги круга и вершины прямого угла, с полем, сплошь усеянным орнаментами? Не усложнил ли этих архитектурных форм романский стиль, как утверждает О. Мартынов? Не служила ли Византия посредницей между Азией и Россией, как юго-западные славянские государства между Европой и ближайшими русскими областями. Рядом с листом русского орнамента, близкого, по мнению Виоле-ле-Дюк, к индусскому типу, Дарселю удалось указать и на византийский тип орнамента, сред-

[14] III, 351.

ний между этими двумя образцами. Но передача идей и форм могла принять другое направление и сделать поворот еще в другую сторону. Один литературный памятник дает поучительный пример в этом отношении. «Бова Королевич», очень популярная на Руси сказка, без сомнения индусского происхождения. Она принадлежит к циклу Сомадевы – «Океан сказаний». И однако Бова не герой Сомадевы; это рыцарь *Beuves d'Antone,* герой каролингского цикла. Индии, таким образом, пришлось пройти через Западную Европу, чтобы попасть в Россию. Западному вдохновению удалось случайно проникнуть в эту область совершенно иной национальной жизни, как ни была она изолирована и охраняема от иностранного влияния.

Следует обратить внимание и на другие области искусства, хотя они и были представлены здесь более слабо. Иконопись, вдохновляемая одной из греко-восточных школ, очень многочисленных в XII в. в Византии, Италии и в юго-западных славянских землях – Сербии и Болгарии, была довольно развита в XIII–XV веке в Суздале и особенно в Новгороде. Суздальские образа исчезли бесследно. Что же касается новгородских, то они дают довольно ясное представление о той самостоятельности, которой достигли художники той эпохи. Совершенно основательно указывалось на изображение некоторых типов, неизвестных византийской иконописи, как, например, Покров Пр. Богородицы, св. Николай, свв. Кирилл и Мефодий, Борис и Глеб. Кроме того, в русских произведениях этого рода замечается совершенно особая передача некоторых религиозных сюжетов и смягчение выражения некоторых типов. Все это, без сомнения, имеет кое-какое значение. Со стороны формы эти изображения также отличаются от своих восточных образцов, но лишь так, как плохая копия от оригинала. В значительно упрощенном рисунке некоторые русские критики желали видеть стремление приблизиться к природе… Я же нахожу в этом признаки неуменья. Природа не нуждается в подобной передаче, напоминающей мазню школьников в их тетрадях.

Та же упрощенность замечается и в украшениях церковных рукописей до XIII века; в них отсутствуют золотые фоны, что обусловливается, вероятно, бедностью монастырей. Но в XIV веке значительно отклонение в сторону, отдалившее русскую школу в этой области от византийских традиций и от ее освященных обычаем форм.

Бесконечное разнообразие человеческой и животной жизни врывается в нее со всем богатством своих мотивов, которые напоминают то нарисованные завитки, то вырезанные по дереву древние скандинавские переплеты или еще более ранние произведения: пряжки поясов и резные фибулы эпохи Меровингов. Порой они приближаются к иранским типам, не чуждым, впрочем, стилю романскому и даже византийскому первой эпохи. Это как бы возвращение к первоисточнику, так как фантастические изображения зверей, насекомых, людей и птиц были известны во времена Геродота между народами, населявшими русскую землю. Но кажется, что даже по отношению к Ирану это возрождение имело своей истолковательницей все ту же Европу, так как рукописная литература Новгорода, где оно обнаружилось особенно сильно, почти совсем не подверглась татарскому влиянию, а напротив очень сильному влиянию европейских течений, шедших через Ригу и ганзейские города.

В XV веке чудовищные фантазии более раннего искусства уступают место комбинациям одних линий, симметрические сплетения которых переходят в продолговатые листья. Еще и другое течение коснулось национального искусства. На этот раз ему невозможно приписать восточное, азиатское происхождение. В XV веке наблюдается целый переворот.

Под влиянием религиозного чувства, возбужденного борьбой реформации с папством, резче выступают византийские традиции. Однако в то же время проникновение немецкого протестантского духа обнаруживается в длинном, глубоко вырезанном листе, взятом у одного вида дикой смоковницы. Он то развертывается, то коробится, черный и холодный, среди богатых красок восточной палитры.

Бесспорно, все это русское. Но дало ли оно искусству форму, вполне соответствующую национальному духу, т. е. если оно и не способно было внушить преклонение и вызвать подражание ему других народов, как, например, искусство греческое или даже французское и итальянское в известную эпоху, то создало ли оно хотя зародыш, способный к самостоятельному развитию? Можно было ответить утвердительно, если бы русские подражатели, вдохновляясь иноземными образцами, прибавили что-нибудь иное творческое к этой слабости исполнения, более или менее существенных искажений и почти всегда плохо придуманных комбинаций. Можно было согласиться с этим, если бы они ввели в творчество что-нибудь свое: флору и фауну их страны, отблеск своего неба; если бы с ассимиляцией экзотических типов, они сумели вступить в непосредственное общение с природой и таким образом выполнить первое и необходимое условие всякого самостоятельного искусства. Но они только копировали, списывали и искажали. Посмотрите на резное крыльцо избы, вы увидите грубые, почти неузнаваемые изображения львов, пантер, пальм и смоковниц. И только в более поздних произведениях искусства обнаруживаются стремление выйти на собственную дорогу, и в робких попытках некоторых модернистов художников вы заметите силуэты хвойного дерева или белый мех зверя, рожденного под северным небом. Мы не знаем, при каких условиях, по каким планам и какими мастерами были построены те несколько русских церквей XIII и XIV века, стиль которых заслуживает внимания.

Что касается построек светских и церковных XV и XVI века – Успенский Собор в Москве, Никольские ворота в Можайске, знаменитая Грановитая палата, то по отношению к ним мы стоим на прочной исторической почве: на них лежит печать итальянского архитектурного искусства. Построенный в 1553–1559 г., волнующий и смущающий храм Василия Блаженного до последнего времени слыл за произведение итальянской архитектуры. Карамзин видел в нем «шедевр готической архитектуры», Мартынов «подобие Эрехтейона в афинском акрополе», Теофиль Готье – «громадного присевшего дракона», Куглер – «огромную кучу грибов», Кюстин – «коробку с вареньем». Заблуждение относительно архитекторов этого храма недавно обнаружено. Найдены строительные счета и по ним установлены имена двух русских – Бармы и Постникова. Надо отдать должное России XVI века и избавить философию искусства от одной из мудреннейших загадок. Надо также признать вопреки долго державшемуся убеждению, что это удивительное сооружение не было в то время единственным явлением, «памятником, выпущенным в одном экземпляре». Оно связано с целой системой архитектуры, принцип которой надо искать в деревянных постройках, так распространенных в этой стране. Тип их встречается в разных пунктах государства: в Новомосковске, в нынешней Екатеринославской губернии, в Дьяково, близ самой Москвы.

Парализуя развитие архитектуры, как и ваяния, отсутствие других материалов или, по крайней мере, трудность получить камень, обусловили этот вид постройки, для которой некоторые указания могли быть получены из Индии и отличительной чертой которой является соединение и сплетение нескольких неравных по величине корпусов. Новомосковская церковь состоит из трех скрепленных зданий, делящихся на девять самостоятельных частей. Строители *Василия Блаженного* еще дальше пошли в этом отношении. Они удачно соединяли стили византийский, персидский, индусский, итальянский во множестве куполов, пирамид, колоколен…

Было бы, быть может, безрассудно подходить к этому произведению с теми понятиями об искусстве, которые получили вековое освящение на Западе; они не могут служить общим критерием. Готическая архитектура в свое время вызывала такую же резкую критику, с какой наша современная эстетика готова наброситься на шедевр Бармы и Постникова. Но можно констатировать, что созданный таким образом тип в художественном отношении не получил распространения. У обоих строителей по окончании работы глаза были вырваны, как гласить

предание, чтобы они не могли больше создать никакого подобия. Это повторение легенды того же века о создателе знаменитых страсбургских часов.

Ничего нового в этом роде действительно создано не было, и эта легенда, как и многие другие, приобрела известный смысл. Предоставленное самому себе вдохновение двух русских мастеров привело лишь к единственной архитектурной фантазии, и после них никто не сделал подобного странного и бесплодного усилия; после первого отпечатка клише было заброшено.

Мне очень неприятно огорчать моих русских друзей, но они, право, слишком взыскательны. В половине прошлого столетия, по признанию авторитетнейших истолкователей, таких как Чаадаев, Герцен, у них ничего не было; ни национального искусства, ни литературы, ни науки. Теперь же они хотят все иметь сразу и иметь с XII века! Проезжая по деревням Владимирской губ., ученые историки искусства Толстой и Кондаков, почувствовали, что находятся точно в какой-то ломбардской области. Это благочестивое заблуждение. Природа и история воспротивились быстрому развитию на Руси искусства; они лишили художника необходимого материала и главным источником его вдохновения сделали стоячие воды Византии. Основная черта русского духа – терпение. Современные апологеты русского национального искусства забывают об этом. Это искусство начинает уже черпать из других источников. Скоро, без сомнения, в нем ключом забьет живая вода, но великая река еще только зарождается, мы стоим у ее истоков.

В лоне православной церкви, где до последнего времени формы умственной деятельности стеснялись, национальное искусство выдерживало действие двух течений – аскетического и чувственного. Мрачные нагромождения монастырских келий дали цветок бесстыдного сладострастия: это и есть церковь Василия Блаженного – воплощение национального духа XVI века.

V. Преобразовательное движение

Россия XV и XVI века также имела свою реформацию. Хотя эта страна была обособлена и закрыта для иностранных влияний, однако она не могла оставаться совершенно нечувствительной к ним и переживала, правда, совершенно по-своему и в узком масштабе революционные порывы и потрясения. Было ли преобразовательное движение обязано своим происхождением развитию мысли в стране или постороннему влиянию, оно уже проявляется с XIV века, главным образом в Новгороде – в этой колыбели и последнем оплоте свободы. Начало его можно отнести к 1376 г. В это время здесь в республиканском городе были замучены и сброшены с моста три еретика, основатели секты *стригольников,* получившей такое название потому, что один из их вожаков, по имени Карп, занимался стрижкой овец. Секта отвергала всякую церковную иерархию, как основанную на симонии. Церковь, распространявшая в Новгороде свою власть даже на сферу экономических интересов, легко справилась с этим возмущением. Но стригольники вновь напомнили о себе во второй половине XV века. Их учение нашло себе новую пищу в церковной литературе, увеличившейся новыми произведениями, правда, все еще византийского происхождения, но уже проникнутыми более независимым духом. В них указывалось на некоторые недостатки религиозной жизни: на излишества аскетических подвигов, способных лишить веру и благочестие их духовной сущности, а также на порчу нравов среди монашествующих. В то же время в страну проникли учения некоторых византийских ересиархов, павликиан, богомилов, примыкавших к гностикам, манихейцам и мессалийцам. На этом основании выросла масса местных ересей, слившихся скоро под общим названием *жидовствующих.* Такое название было дано сектантам благодаря некоторому внешнему сходству их учения с учением евреев антиталмудистов, или караимов, нашедших себе пристанище в Новгороде в 1471 году. Неко-

торые из еретиков склонны были признать еврейскую пасху, еврейский календарь и обрезание по закону Моисееву. Но общим направлением всех сект был рационализм, выражавшийся в отрицании Троицы, божественности Христа, будущей жизни и всех внешних обрядностей христианства. Появление сект оказало православной церкви большую услугу. Оно принудило ее к некоторой работе для борьбы с этими ее противниками, затем заставило ее обратить внимание на самое себя и предпринять внутренние реформы. Одно религиозное движение вызвало другое. Последнее приняло два различных направления. Исправление церковных книг, порученное Максиму Греку, указывает на заботу церкви устранить нападки, касающиеся догматов ее. Но монастырская жизнь вызывала еще более справедливые нарекания. Двойственность в религиозном мире, которую я старался осветить, была зарисована Грозным огненными штрихами в его знаменитых письмах. Вот отрывок известного его послания, написанного в 1575 г., в Кириллов монастырь:

«Воспитанные с детства в воздержании, вы умираете от лишений. Любя Бога, вы уходите от людей, удаляетесь от мирских наслаждений, умерщвляете вашу плоть при помощи жесткой власяницы, опоясываете ваши чресла поясом, сжимающим ваши члены; вы изгнали с вашего стола питательные блюда; вы довели себя до того, что только кожа покрывает ваши тощие кости. Вы отказались ото всех мирских забот, лишением питания вы иссушили ваш мозг, изнурили желудки. Проводя ночи в молитвах, вы смачиваете ваши бороды слезами».

И вот рядом с этим ироническим изображением, изнанка картины, обрисованная на соборе 1551 г.:

«Монахи и инокини постригаются в монастыри не для того, чтобы спасать свою душу, но чтобы доставлять себе приятные удовольствия, шляться постоянно по миру из одного города в другой… Во всех монастырях монахи и игумены пьянствуют… В Москве и во всех других городах они живут и расточают средства вместе с мирянами – мужчинами и женщинами… Архимандриты и игумены избегают братских трапез, а предаются пиршествам в своих покоях вместе с гостями… Женщины и девушки проникают туда беспрепятственно. Монахи и отшельники ходят по всей стране и не стыдятся иметь при себе мальчиков».

Зло не ограничивалось только черным духовенством. На том же самом соборе в 1551 г. говорилось о священниках, совершавших богослужение один раз в 5–6 лет. В церковь они приходили в пьяном виде, ссорились между собою и молитвы произносили навыворот. Лазициус упоминает о попах, которые валялись мертвецки пьяные на площадях, а Герберштейн видел, как их за это били всенародно кнутами. Оскорбляемая таким образом своими служителями, церковь становилась местом не для молитв, а для свиданий, обращалась в клуб, в базар. Мужчины входили туда, не снимая шапок, смеялись, громко говорили, устраивали свои дела и прерывали церковное пение неприличными словами. Эти черты можно сближать с теми явлениями, какие обличались Брантомом, Рабле, Кальвином и Лютером, Но на Западе были и примеры другого рода. Жизнь и подвиги св. Франциска и бенедиктинцев Сен-Мора служили приятным исключением. На Руси же до начала XVI в. таких исключений в жизни духовенства не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.